

ОНА НАВСЕГДА БУДЕТ СВЯЗАНА
С НИМ НИТЬЮ СУДЬБЫ

18+

П Р И К О С -
Н О В Е Н И Е
Р А З Р У Ш Е Н И Я

АИД И ПЕРСЕФОНА

СКАРЛЕТТ СЕНТ-КЛЭР

Young Adult. Аид и Персефона

Скарлетт Сент-Клэр

Прикосновение разрушения

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Сент-Клэр С.

Прикосновение разрушения / С. Сент-Клэр — «Эксмо»,
2020 — (Young Adult. Аид и Персефона)

ISBN 978-5-04-169823-2

БЕСТСЕЛЛЕР AMAZON «Прикосновение разрушения» – вторая книга романтического фэнтези-цикла, который является авторской интерпретацией истории «Аида и Персефоны». Волшебный мир, где среди людей живут древнегреческие боги. Во второй части вас ждет еще больше горячих сцен! После воссоединения Персефоны с Аидом их фотографии оказались во всех СМИ. Чтобы сохранить божественные чары, Персефоне предстоит сделать сложный выбор. Она должна дать эксклюзивное интервью о своей личной жизни или потерять любимую работу. К тому же неожиданная трагедия заставляет ее заключить с богами сделку, цена которой оказывается слишком высока. Сможет ли Персефона выдержать тяжелые испытания и стать истинной королевой подземного царства? Для фанатов Сары Дж Маас, Дженнифер Арментроут и Рэйвен Кеннеди. Скарлетт Сент-Клэр – американская писательница. Она является магистром библиотековедения и информационной науки. Скарлетт одержима греческой мифологией, детективными историями, любовью и загробной жизнью. Если все это интересно и вам, ее книги вам непременно понравятся.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-169823-2

© Сент-Клэр С., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Часть первая	7
Глава I. Прикосновение сомнения	7
Глава II. Прикосновение двуличия	18
Глава III. Прикосновение несправедливости	28
Глава IV. Прикосновение предупреждения	38
Глава V. Царский прием	43
Глава VI. Ссора влюбленных	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Скарлетт Сент-Клэр

Прикосновение разрушения

Scarlett St. Clair
A Touch of Ruin

© 2020 by Scarlett St. Clair

© Иванова В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается читателям романа «Прикосновение тьмы»
Спасибо за ваш горячий интерес и любовь к Аиду и Персефоне*

Часть первая

*Стрела судьбы, когда ее ожидают, летит медленно.
Данте Алигьери, «Рай»*

Глава I. Прикосновение сомнения

Персефона шла вдоль берега реки Стикс. Рваные волны разбивались о темную поверхность, и богиня напряглась, вспомнив, как впервые спустилась в подземное царство. Она тогда попыталась переплыть широкую реку, не зная о мертвецах, что скрывались в ее пучинах. Они утащили ее под воду, вцепившись костлявыми пальцами ей в кожу, – напасть на богиню их заставило непреодолимое желание уничтожить жизнь.

Персефона уже думала, что утонет, когда ей на помощь пришел Гермес.

Все это отнюдь не порадовало Аида, но он отнес ее к себе во дворец и залечил раны. Позже она узнала, что трупы в реке были древними мертвецами, прибывшими в подземное царство без монеты, чтобы заплатить Харону. Приговоренные навечно оставаться в реке, они стали одним из многочисленных способов Аида защитить границы своего царства – от живых, что хотели в него проникнуть, и мертвых, что хотели его покинуть.

Хотя Персефона чувствовала себя неудобно рядом с рекой, пейзаж вокруг был прекрасен. Стикс тянулся на мили, соединяясь с горизонтом, который оттеняли мрачные горы. Берега были усеяны белыми нарциссами, что горели на темной поверхности подобно белому огню. Напротив гор, у горизонта, виднелся дворец Аида, башни которого устремлялись в небо, словно острые концы его обсидиановой короны.

Рядом с богиней шла Юри, молодая девушка с густыми длинными кудрявыми волосами и оливковой кожей. На ней были розовые одежды и кожаные сандалии – этот ансамбль ярко выделялся на фоне мрачных гор и черной воды. Юри и Персефона быстро подружились и часто вместе отправлялись на прогулки по долине Асфодель, но сегодня Персефона убедила девушку отклониться от их привычного маршрута.

Она взглянула на спутницу, с которой шла под руку, и спросила:

– Как давно ты здесь, Юри?

Персефона догадывалась, что душа провела здесь уже немало времени, судя по традиционному пеплосу, в который та была одета.

Тонкие брови Юри сошлись на переносице.

– Я не знаю. Давно.

– А ты помнишь, каким было подземное царство, когда ты здесь оказалась?

Персефоне хотелось задать множество вопросов о том, каким подземное царство было в античности – та его версия по-прежнему тяготила Аида, заставляла стыдиться и чувствовать себя недостойным людского почитания и хвалы.

– Да. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь забыть, – она неловко рассмеялась. – Оно было совсем другим.

– Расскажи мне, – попросила Персефона. Несмотря на интерес к прошлому Аида и истории подземного царства, она не могла отрицать, что в глубине души боялась услышать правду.

Что, если ей не понравится то, что она узнает?

– Подземное царство было... унылым. Здесь не было *ничего*. Мы все бесцветные, в тесноте. Не было ни дня, ни ночи, только монотонная серость, и мы существовали в ней.

Значит, они и правда были *теньями* – тенью самих себя.

Когда Персефона впервые оказалась в подземном царстве, Аид привел ее в сад. Она была ужасно зла на него. Он бросил ей вызов – богиня должна была создать жизнь в подземном царстве после того, как проиграла ему в покер. Она не осознавала, к каким последствиям приведет ее приглашение сыграть, не понимала, что Аид согласился присоединиться к ней, чтобы связать контрактом. Озвученные им условия привели ее в еще большую ярость, когда она увидела его сад – роскошный оазис с яркими цветами и ивами. Потом он признался ей, что это иллюзия. Под раскинутыми им чарами оставалась все та же земля из пепла и огня.

– Звучит как наказание, – произнесла Персефона, размышляя над тем, насколько ужасно такое бесцельное существование.

Юри слабо улыбнулась и пожалала плечами.

– Это был наш приговор за то, что мы жили заурядной жизнью.

Персефона поморщилась. Она знала, что в древние времена лишь герои могли ожидать эйфористического пребывания в подземном царстве.

– Из-за чего все изменилось?

– Я точно не знаю. Ходили слухи, что смертная, которую любил Аид, умерла и отправилась сюда.

Персефона нахмурилась. Она задалась вопросом, было ли это хоть отчасти правдиво, учитывая, что подобная перемена произошла с Аидом и после того, как она написала о его сделках со смертными. Его так вдохновила ее критика, что он дал старт проекту «Алкион», включавшему в себя создание современного реабилитационного центра, который должен был оказывать бесплатную помощь смертным, страдающим от всех видов зависимостей.

Ее вдруг охватило неприятное чувство, которое быстро распространилось по всему телу словно чума. Что, если она была не единственной любовницей, вдохновлявшей Аида?

Юри продолжила:

– Я склонна думать, что он просто... решил измениться. Лорд Аид наблюдает за миром. Когда в нем стало меньше хаоса, вместе с ним изменилось и подземное царство.

Едва ли все было так просто. Персефона пыталась разговорить Аида, но он избегал этой темы. И теперь она спрашивала себя, может ли его молчание быть связано не столько с чувством вины, сколько с желанием сохранить в секрете подробности его прошлых романов? Ее мысли металась, поднимая в ней волну неуверенности и сомнений. Скольких женщин любил Аид? Остались ли у него чувства к кому-то из них? Приводил ли он их в постель, что теперь делил с ней?

От этой мысли у нее все сжалось внутри. К счастью, ее отвлекла группа душ, стоящих на пирсе у реки.

Персефона остановилась и кивнула в сторону толпы:

– Кто это, Юри?

– Новые души.

– А почему они теснятся на берегу Стикса?

Из всех душ, с которыми уже приходилось сталкиваться Персефоне, эти выглядели самыми... мертвыми. Их лица были поникшими, с пепельной кожей. Они жались друг к другу, ссутулившись, со скрещенными на груди руками, и дрожали.

– Потому что они боятся, – ответила Юри таким тоном, словно их страх был очевиден.

– Я не понимаю.

– Большинству из них рассказывали, как ужасны подземное царство и его властелин, так что, когда они умирали, им было страшно отправляться сюда.

Это возмутило Персефону – по большей части потому, что подземное царство не было местом, которого стоит бояться. Но она также обнаружила, что злится на Аида – за его бездействие и нежелание изменить такое восприятие царства и его самого.

– Никто не успокаивает их, когда они оказываются у врат?

Юри бросила на нее странный взгляд, словно не понимая, почему кто-то вообще должен успокаивать или приветствовать новоприбывшие души.

– Харон перевозит их через Стикс, дальше они должны пройти дорогу до Суда, – сказала Юри. – После этого их либо отправляют к месту покоя, либо приговаривают к вечным страданиям. Так было всегда.

Персефона стиснула челюсти от раздражения. Ей казалось удивительным, что еще минуту назад они разговаривали о том, как сильно изменилось подземное царство, а сейчас вдруг стали свидетелями архаичных обычаев. Не было никаких причин лишать эти души приветственных и успокаивающих слов. Она забрала у Юри свою руку и зашагала к ожидающей группе, замешкавшись при виде того, как они задрожали и отшатнулись от нее.

Она улыбнулась, надеясь, что это уменьшит их волнение:

– Здравствуйте. Меня зовут Персефона.

Души по-прежнему трепетали. Богине следовало знать, что ее имя их не успокоит – все было бессмысленно. Об этом позаботилась ее мать, Деметра, олимпийская богиня плодородия. Из-за своих страхов она продержала Персефону в стеклянной тюрьме большую часть ее жизни, не дав дочери возможность обрести почитателей и тем самым лишив ее сил.

На богиню нахлынула буря эмоций: отчаяние из-за неспособности помочь, грусть от осознания собственного бессилия и гнев на мать, попытавшуюся обмануть судьбу.

– Вам надо показать им, что вы богиня, – предположила Юри. Она последовала за Персефоновой, когда та направилась к душам.

– Зачем?

– Это их успокоит. Сейчас вы для них мало чем отличаетесь от остальных душ в подземном царстве. А вот если вы предстанете перед ними богиней, они проникнутся к вам уважением.

Персефона возразила: эти люди не знали ее имени – как ее божественный облик облегчит их страхи?

Потом Юри добавила:

– Мы почитаем богов. Так вы даруете им надежду.

Персефоне не нравился ее божественный облик. Она долго не могла принять себя в качестве богини, пока не обрела силы. И даже когда в ее жизни появилась магия, вдохновленная преклонением Аида, в этом плане мало что изменилось. Она быстро поняла, что обладать магией – одно, а правильно ею пользоваться – совсем другое. И все же для нее было важно, чтобы эти души почувствовали себя радушно принятыми в подземном царстве, чтобы они увидели царство Аида как новое начало. Но больше всего она хотела, чтобы они поняли – они неразличны своему царю.

Персефона опустила чары, удерживавшие ее смертный образ. Магия, подобно шелку, соскользнула с ее кожи, и она предстала перед душами в неземном сиянии. Ее белые рога, как у лесной антилопы, вдруг показались ей тяжелее, когда она обрела свой настоящий облик. Ее кудрявые волосы посветлели от медно-золотых до светло-соломенных, а глаза загорелись бутылочно-зеленым цветом.

Она снова улыбнулась душам:

– Я Персефона, богиня весны. Я рада видеть здесь всех вас.

Реакция на ее сияние не заставила себя ждать. Только что дрожавшие души преклонили перед ней колени. Тело Персефоны напряглось, сердце забилося быстрее. Богиня шагнула вперед.

– О нет, пожалуйста. – Она опустилась перед одной из душ – пожилой женщиной с короткими седыми волосами и белой, как бумага, кожей. Богиня дотронулась до ее щеки и заглянула в светло-голубые глаза. – Пожалуйста, встаньте, – сказала она и помогла женщине подняться на ноги.

Остальные души продолжали стоять на коленях, подняв головы. Их взгляды были прикованы к богине.

– Как вас зовут?

– Элинон, – прохрипела женщина.

– Элинон, – Персефона с улыбкой повторила ее имя. – Я надеюсь, что подземное царство покажется вам таким же спокойным и умиротворяющим, как и мне.

Ее слова помогли женщине расправить опущенные плечи. Персефона шагнула к следующей душе, а потом к следующей, пока не поговорила с каждой из них, и все они снова встали.

– Наверное, теперь нам всем нужно пойти к Полю суда.

– О, в этом нет необходимости, – прервала ее Юри. – Танатос!

Перед ними тут же возник крылатый бог смерти. Он был прекрасен в своем мрачном облике, с бледной кожей, кроваво-красными губами и белыми волосами, ниспадавшими ему на плечи. Его голубые глаза были подобны вспышке молнии в ночном небе. Присутствие Танатоса принесло с собой спокойствие, которое Персефона ощутила в груди. Она словно стала невесомой.

– Миледи, – он поклонился. Его голос был мелодичным и звучным.

– Танатос, – Персефона не смогла сдержать широкой улыбки.

Во время их прогулки по Элизии Танатос стал первым, кто заставил ее иначе взглянуть на нелегкую роль Аида в качестве бога мертвых. Его мнение помогло Персефоне немного лучше понять устройство подземного царства и, по правде говоря, дало ей то, без чего она не могла полностью отдаться Аиду.

Она махнула столпившимся душам и представила их богу.

Он едва заметно, но искренне улыбнулся:

– Мы уже знакомы.

– О! – У нее покраснели щеки. – Прости. Я забыла.

Танатос был жнецом душ, и именно его лицо смертные видели последним, прежде чем отправиться на берега Стикса.

– Я как раз собиралась проводить новые души к Полю суда.

Она заметила, что глаза Танатоса слегка распахнулись, и он взглянул на Юри. Та быстро заговорила:

– Леди Персефоне пора возвращаться во дворец. Не могли бы вы проводить их вместо нее, Танатос?

– Конечно, – ответил он, подняв руку к груди. – Буду рад помочь.

Персефона на прощание помахала душам. Танатос повернулся к толпе, раскинул свои крылья и исчез вместе с душами.

Юри обвила своей рукой локоть Персефоны и потянула прочь от берега Стикса, но Персефона воспротивилась.

– Зачем ты это сделала? – спросила богиня.

– Что именно?

– Мне не нужно во дворец, Юри. Я могла бы отвести души к Полю.

– Простите, Персефона. Я боялась, что они засыпят вас просьбами.

– Просьбами? – Она сдвинула брови. – О чем им просить?

– О благах, – объяснила Юри.

Персефона хихикнула:

– Я не в том положении, чтобы одаривать благами.

– Они этого не знают, – пожалала плечами Юри. – Они видят только богиню, которая может помочь им получить аудиенцию у Аида или вернуться в мир живых.

Персефона нахмурилась:

– С чего ты взяла?

– Потому что я была одной из них.

Юри снова потянула ее за руку, и на этот раз Персефона пошла за ней. Между ними повисло напряженное молчание, и богиня поморщилась:

– Прости, Юри. Иногда я забываю...

– Что я мертва? – Девушка улыбнулась, и Персефона почувствовала себя маленькой и глупой. – Да все в порядке. Это одна из причин, почему вы мне так нравитесь. – Она на мгновение замолчала, а потом добавила: – Аид не ошибся в выборе спутницы.

– Спутницы? – брови Персефоны взлетели вверх.

– Разве не очевидно, что Аид собирается на вас жениться?

Персефона рассмеялась:

– Ты слишком торопишь события, Юри.

Вот только Аид и правда ясно изложил свои намерения. *«Ты будешь моей царицей. И мне не нужны мойры, чтобы это узнать»*. Персефоне вдруг стало трудно дышать, все внутри будто стянулось узлами.

Эти слова должны были заставить ее сердце растаять, и тот факт, что этого не произошло, озадачил ее. Может, это было связано с их недавней ссорой. Чего она так опасалась, если Аид был уверен насчет их будущего?

Юри, не замечая внутренней борьбы Персефоны, спросила:

– Почему лорду Аиду не выбрать вас царицей? Вы незамужняя богиня и не давали обета безбрачия.

Душа бросила на нее понимающий взгляд, от которого Персефона покраснела.

– Если я богиня, это еще не значит, что я гожусь на роль царицы подземного царства.

– Нет, но это хорошее начало. Аид никогда бы не выбрал своей царицей смертную или нимфу. Поверьте мне, у него была *уйма* возможностей.

В Персефоне вспыхнуло пламя ревности, словно от спички, брошенной в лужу керосина. В ней поднялся прилив магии, требуя выхода. То был защитный механизм, и ей не сразу удалось его подавить.

«Держи себя в руках», – приказала она себе.

Для нее не было новостью, что у Аида до нее были любовницы. Одна из них – рыжеволосая нимфа по имени Минфа, которую Персефона превратила в куст мяты. И все же она никогда не задумывалась, что интерес Аида к ней, возможно, был отчасти вызван ее божественной кровью. Какая-то темная материя начала вдруг заволакивать ее сердце. Как она могла так подумать об Аиде? Он вдохновил ее обрести свою божественность, преклонился перед ней, чтобы она обрела свободу и силу, признался ей в любви. Если он собирался сделать ее своей царицей, то только потому, что она была ему небезразлична, а не потому, что она была богиней.

Так ведь?

Персефона вскоре отвлеклась от своих мыслей, когда они с Юри вернулись в долину Асфодель, где богиню окружила толпа детишек, умоляя поиграть с ними. После короткой игры в прятки ее увели Офелия, Элара и Анастасия, желавшие узнать ее мнение о винах, пирогах и цветах для предстоящего празднования дня летнего солнцестояния.

Солнцестояние отмечало начало нового года, к тому же с него начинался обратный отсчет месяца до Панэллинских игр – развлечения, любовь к которому в душах не могла убить даже сама смерть. В ожидании такого важного события Персефона спросила Аида, можно ли им организовать праздник во дворце, и он согласился. Она ждала возможности снова принять души в залах дворца не меньше, чем сами души ждали возможности снова оказаться там.

К тому времени, как Персефона вернулась во дворец, на душе у нее по-прежнему было беспокойно. Тьма сомнений разрасталась у нее в голове, и магия пульсировала под кожей, отзываясь болезненной слабостью и изнуренностью. Она попросила принести ей чаю и отправилась в библиотеку, надеясь, что чтение сможет отвлечь ее.

Уютно устроившись в одном из огромных кресел рядом с камином, Персефона принялась листать книгу, одолженную ей Гекатой. «Колдовство и шабаш». Это было одно из нескольких домашних заданий от богини волшебства, которая помогала ей научиться контролировать свою переменчивую силу.

Обучение давало плоды не так быстро, как она надеялась.

Персефоне пришлось долго ждать, пока ее силы проявят себя, и случилось это во время жаркого спора с Аидом. С тех пор она научилась заставлять цветы распускаться, но ей никак не удавалось призвать нужное количество магии. Богиня также обнаружила, что ее способность переноситься работает со сбоями, а это значило, что она не всегда оказывалась там, куда отправлялась. Геката говорила, что все дело в практике, но Персефона все равно чувствовала себя неудачницей. По этим причинам она решила не использовать магию в верхнем мире.

Пока не овладеет ею в должной мере.

Готовясь к своему первому уроку с Гекатой, Персефона изучала историю магии, алхимию, разнообразные, зачастую пугающие, силы богов, с нетерпением ожидая того дня, когда наконец сможет пользоваться своей силой так же легко, как дышать.

Вдруг по ее коже распространилось тепло, от которого поднялись волосы на задней части шеи и руках. Несмотря на жар, богиня поежилась, ее дыхание сбилось.

Аид был рядом, и ее тело это знало.

Ей хотелось застонать от боли, что стянула низ ее живота.

Боги. Какая же она ненасытная.

– Так и знал, что найду тебя здесь, – раздался над ней голос Аида. Она подняла голову и увидела его, стоящего прямо за креслом. Он встретился с ней взглядом дымчатых глаз, когда наклонился поцеловать ее, и его рука легла ей на щеку. Это был властный жест и страстный поцелуй, и губы Персефоны горели, когда он отстранился.

– Как прошел твой день, дорогая? – От его нежности у нее перехватило дыхание.

– Хорошо.

Уголки губ Аида приподнялись. Опустив взгляд на ее губы, он произнес:

– Надеюсь, я тебе не помешал. Ты как будто околдована этой книгой.

– Нет, – быстро ответила она, а потом прокашлялась: – В смысле... это просто задание от Гекаты.

– Можно? – спросил он, убирая ладонь с ее лица и протягивая руку, чтобы взять книгу.

Персефона молча отдала ее ему. Она наблюдала, как бог мертвых обходит ее кресло и листает книгу. В том, как он выглядел, было что-то невероятно дьявольское – буря тьмы, с головы до ног облаченная в черное.

– Когда у тебя начинаются занятия с Гекатой? – поинтересовался он.

– На этой неделе, – ответила богиня. – Она дала мне домашнее задание.

– Хм-м, – он на мгновение умолк, не отрывая взгляда от книги. – Я слышал, ты сегодня приветствовала новые души.

Персефона выпрямилась, не понимая, разозлило его это или нет.

– Я гуляла с Юри, когда увидела, как они ждут на берегу Стикса.

Аид поднял взгляд. В его глазах полыхал огонь, как в камине.

– Ты вывела душу за пределы Асфоделя? – В его голосе прозвучала нота удивления.

– Это же просто Юри, Аид. Я не понимаю, зачем ты держишь их в изоляции.

– Чтобы они не создавали проблем.

Персефона хихикнула, но тут же замолкла, встретившись взглядом с Аидом. Он стоял между ней и камином, окруженный бликами пламени, подобно ангелу. Он выглядел просто бесподобно – высокие скулы, аккуратно стриженная борода и полные губы. Его длинные черные волосы были собраны в узел на затылке. Персефоне нравилась эта его прическа, нра-

вилось распускать его волосы и пропускать их сквозь пальцы, а еще прихватывать пряди, когда он был внутри ее.

От этой мысли воздух вокруг вдруг потяжелел, и она заметила, как грудь Аида приподнялась с резким вдохом, словно он почувствовал перемену в ее мыслях. Она облизнула губы и заставила себя сосредоточиться на разговоре.

– Души в Асфоделе никогда не создают проблем, – произнесла Персефона.

– Ты считаешь, я неправ, – это был не вопрос, а утверждение, и он как будто совсем не удивился. Их отношения с этого и начались – Персефона считала, что он неправ.

– Я думаю, что ты не воздаешь должное себе, хотя ты изменился, и потому не воздаешь должное душам, хотя они это увидели.

Бог долго молчал.

– Почему ты поприветствовала души?

– Потому что они боялись, и мне это не понравилось.

Уголки рта Аида дернулись вверх.

– Некоторым из них следует бояться, Персефона.

– Те, кому следует, будут бояться вне зависимости от моего приветствия.

«Смертные знают, что приводит к вечному заключению в Тартаре», – подумала она.

– Подземное царство прекрасно, и ты заботишься о своих душах, Аид. Почему хорошие люди должны бояться такого места? Почему они должны бояться тебя?

– Так было всегда, и они по-прежнему боятся меня. Это *ты* их поприветствовала.

– Ты мог бы поприветствовать их вместе со мной, – предложила она.

Аид снова усмехнулся, и выражение его лица смягчилось.

– Хоть титул царицы и вызывает у тебя неприязнь, ты ведешь себя как одна из них.

Персефона на мгновение замерла, одновременно опасаясь гнева Аида и испытывая волнение оттого, что он назвал ее царицей.

– Это... тебя огорчает?

– Почему это должно меня огорчать?

– Я не царица. – Персефона встала с кресла, шагнула к Аиду и забрала у него книгу. – А еще я никак не могу понять, как ты воспринимаешь мои действия.

– Ты станешь моей царицей, – решительно произнес Аид, словно пытаясь убедить самого себя, что это правда. – Это предсказано мойрами.

Персефона ошетибилась, к ней тут же вернулись прежние мысли. Как ей спросить Аида, почему он решил сделать ее своей царицей? И, что еще хуже, почему ей так хотелось получить ответ на этот вопрос? Она повернулась и исчезла за стеллажами, чтобы скрыть от него свою реакцию.

– Это тебя огорчает? – спросил Аид, появившись прямо перед ней и преградив ей путь.

Персефона вздрогнула, но быстро взяла себя в руки.

– Нет, – ответила она, обходя его.

Аид последовал за ней.

Она поставила книгу обратно на полку.

– Хотя я бы предпочла стать твоей царицей потому, что ты любишь меня, а не потому, что так указали мойры.

Аид дождался, пока она повернется к нему. Он нахмурился:

– Ты сомневаешься в моей любви?

– Нет! – Персефона широко распахнула глаза от вывода, к которому он пришел, а потом опустила плечи. – Но... Полагаю, мы не сможем избежать того, что остальные подмечают в наших отношениях.

– А что они говорят? – Он встал совсем рядом с ней, и она почувствовала запах специй и дыма с нотой зимнего воздуха. Это был аромат его магии.

У нее поднялись и опустились плечи:

– Что мы вместе только из-за мойр. Что ты выбрал меня, потому что я богиня.

– Я дал тебе повод так думать?

Она уставилась на него, не в силах ответить. Она не хотела говорить, что это Юри подала ей такую идею. Эта мысль была у нее и прежде – семя, посаженное в ее голову давным-давно. Юри лишь увлажнила почву, и теперь оно проросло, дикое, как те черные лозы, что пробивались из-под земли по велению ее магии.

Аид заговорил быстро и требовательно:

– Кто пробудил в тебе эти сомнения?

– Я просто размышляла о...

– Моих мотивах?

– Нет...

Он прищурил глаза:

– А кажется, что именно так.

Персефона отступила на шаг, уперевшись спиной в книжные полки.

– Я жалею, что вообще об этом заговорила.

– Ну, уже слишком поздно.

Персефона бросила на него гневный взгляд:

– Ты накажешь меня за то, что я высказала свои мысли?

– Накажу? – Аид склонил голову набок и придвинулся еще ближе, прижавшись к ее бедрам своими. – Мне хотелось бы услышать, как, по твоему мнению, я могу тебя наказать.

Эти слова уязвили Персефону, и, несмотря на жар между ними, она свирепо воззрилась на него:

– А мне хотелось бы получить ответ на свой вопрос.

Аид стиснул челюсти:

– Напомни-ка мне, что у тебя был за вопрос.

Богиня заморгала. Она спросила его, выбрал ли он ее только потому, что она богиня? Или же она спросила, любит ли он ее?

Она глубоко вздохнула и подняла на него взгляд из-под опущенных ресниц:

– Если бы не предсказание мойр, ты бы все равно захотел быть со мной?

Персефона никак не могла заставить себя посмотреть Аиду в лицо. Его глаза были подобны лазеру, прожигающему ее грудь, сердце и легкие. Она не могла даже сделать вдох в ожидании, когда он заговорит – а он молчал. Вместо этого он протянул руку и схватил ее за подбородок. Его тело вибрировало – она чувствовала буйство силы внутри его, и на мгновение задалась вопросом: что властелин подземного царства собирался обрушить на нее?

Потом его хватка смягчилась, пальцы легли ей на щеку, взгляд опустился к ее губам.

– Знаешь, как я узнал, что мойры предназначили тебя мне? – его голос стих до хриплого шепота – тона, которым он говорил в темноте их спальни после занятий любовью.

Персефона медленно покачала головой, загнанная в западню его взглядом.

– Мне рассказал об этом вкус твоей кожи. И единственное, о чем я сожалею, – что так долго жил без тебя.

Его губы оставили дорожку на ее подбородке и щеке. Она задержала дыхание, прильнув к нему, ожидая прикосновения его губ. Но вместо того, чтобы поцеловать ее, он сделал шаг назад.

Внезапно возникшее между ними пространство лишило ее устойчивости, и богиня снова оперлась спиной на книжные полки.

– Что это было? – она сердито уставилась на него.

Аид мрачно усмехнулся:

– Прелюдия.

Потом он шагнул вперед, обхватил ее руками и перекинул через плечо. Персефона взвизгнула от неожиданности.

– Что ты делаешь?

– Доказываю, что хочу быть с тобой.

Он вышел из библиотеки и зашагал по коридору.

– Поставь меня на землю, Аид!

– Нет.

Персефона чувствовала, что он улыбается. Его рука скользнула вверх между ее бедер, раздвинув плоть, и погрузилась внутрь. Она ухватилась за ткань его пиджака, чтобы не упасть.

– *Аид!* – простонала она.

Он захохотал, и она была готова убить его за это. Богиня схватила его за волосы и потянула, запрокинув его голову назад в поисках губ. Аид подчинился и прижал ее к ближайшей стене, одарив яростным поцелуем, а потом отстранился и прорычал ей в ухо:

– Я буду наказывать тебя, пока ты не закричишь, пока не забьешься на моем члене в таком экстазе, что у тебя больше не останется никаких сомнений в моей любви.

От его слов у Персефоны перехватило дыхание, и ее магия пробудилась, растекшись теплом по ее коже.

– Будьте добры сдержать свое обещание, лорд Аид, – она прижалась к его губам своими.

Вдруг стена позади Персефоны поддалась, и она вскрикнула, а Аид пошатнулся вперед. Ему удалось не дать им обоим упасть на пол. Восстановив равновесие, он поставил ее на ноги. Она заметила, как он держит ее – защищая, обхватив рукой ее плечи. Богиня повернула шею и обнаружила, что они в обеденном зале. За банкетным столом сидели все подчиненные Аида, включая Танатоса, Гекату и Харона. Стена, к которой они прижимались, оказалась дверью.

Аид откашлялся, а Персефона уткнулась лицом ему в грудь.

– Добрый вечер, – поздоровался Аид.

Ее удивило, каким спокойным был его голос. У него даже не сбилось дыхание, хотя она слышала, как бьется его сердце.

Богиня подумала, что сейчас Аид извинится и исчезнет, но вместо этого он произнес:

– Мы с леди Персефой умираем с голода и хотим остаться наедине.

Она замерла, а потом ткнула его в бок.

Да что он творит?

Люди тут же задвигались, убирая тарелки, столовые приборы и огромные блюда с нетронутой едой.

– Добрый вечер, миледи, милорд.

Они поспешно покинули обеденный зал с блестящими глазами и широкими улыбками. Персефона с ярким румянцем на щеках не поднимала взгляд, пока народ Аида выходил в коридор, чтобы поесть где-нибудь еще.

Когда они остались наедине, Аид, не тратя времени зря, прильнул к ней и вел назад спиной, пока она не уперлась ногами в стол.

– Ты ведь это не всерьез?

– Еще как, – ответил он.

– В обеденном зале?

– Я очень голоден, а ты?

Да.

Но богиня даже не успела ответить. Аид поднял ее на стол, встал у нее между ног и опустился на колени, как слуга перед своей царицей. Его руки поднялись вверх по ее голени, приподнимая платье. Его губы дразнили ее, скользя по внутренней поверхности бедер, пока не достигли ее лона.

Персефона изогнулась над столом, едва дыша, в то время как беспощадный язык Аида проник в нее, а его короткая борода терлась о чувствительную плоть, создавая восхитительные ощущения. Она потянулась к богу и вплегла пальцы ему в волосы, извиваясь под его прикосновениями.

Аид крепко сжимал Персефону, впиваясь пальцами в тело, чтобы удержать ее на месте. Крик вырвался у нее из груди, когда его губы сомкнулись на чувствительном холмике, а язык сменили пальцы, наполняя и растягивая, пока взрыв наслаждения не накрыл ее с головой.

Она была уверена, что сияет.

Это был восторг, эйфория, экстаз.

Который прервал стук в дверь.

Персефона замерла и попыталась сесть, но Аид удержал ее на месте и зарычал, глядя на нее со своего места у нее между ног.

– Не обращай внимания, – это прозвучало как приказ. Его глаза горели словно угли.

Он продолжил свои беспощадные ласки, двигаясь все глубже, мощнее, быстрее. Персефона едва могла удержаться на столе. Она едва дышала, словно снова оказавшись в Стиксе, изо всех сил стремясь выплыть на поверхность, задыхаясь, но с осознанием, что эта смерть была бы счастливой.

В дверь снова постучались, и робкий голос крикнул:

– Лорд Аид?

Персефона не узнала голос того, кто был за дверью, но кто бы там ни был, он явно нервничал и у него была на то причина, потому что выражение лица Аида было убийственным.

«Именно так он выглядит, когда встречается души в Тартаре», – подумала она.

Аид сел на пятки.

– Подите прочь! – рявкнул он.

Последовало мгновение тишины. А потом голос произнес:

– Это важно, Аид.

Даже Персефона отметила глубокую тревогу в голосе того, кто был за дверью. Аид вздохнул, встал и обхватил ладонями ее лицо:

– Я на секунду, дорогая.

– Ты ведь не причинишь ему вреда?

– Не слишком сильно.

Он не улыбнулся, встав и выйдя в коридор.

Персефона чувствовала себя неловко, сидя на краю стола, так что она соскользнула с него, поправила юбки и принялась ходить по экстравагантному обеденному залу. На первый взгляд декор комнаты был чрезмерным. Потолок украшали несколько бесполезных хрустальных люстр, на стенах – золотая роспись, а стул Аида во главе стола больше походил на трон. В довершение ко всему бог мертвых редко обедал в этом зале, предпочитая уносить еду в другие помещения дворца. Это была одна из причин, почему она решила использовать зал для празднования дня солнцестояния – чтобы вся эта красота не пропадала зря.

Аид вернулся. Он выглядел раздраженным, челюсти его были сжаты, а в глазах сверкала совершенно иная напряженность. Он остановился в нескольких дюймах от нее, пряча руки в карманах.

– Все в порядке? – спросила она.

– Да, – кивнул он. – И нет. Илиас доложил мне о проблеме, с которой нужно разобраться как можно скорее.

Она уставилась на него в ожидании, но он ничего не объяснил.

– Когда ты вернешься?

– Через час. Может, два.

Она нахмурилась, и Аид приподнял ее подбородок так, чтобы они встретились глазами.

– Поверь, моя дорогая, оставлять тебя – самое тяжелое решение из всех, что я принимаю каждый день.

– Тогда не оставляй, – сказала она, обнимая его за талию. – Я пойду с тобой.

– Это неразумно, – его голос прозвучал грубо, и брови Персефоны сошлись на переносице.

– Почему?

– Персефона...

– Это простой вопрос, – перебила она.

– Нет, не простой, – рявкнул он, а потом вздохнул и провел пальцами по растрепанным волосам.

Богиня не сводила с него глаз. Аид никогда не выходил из себя так, как сейчас. Что на него так повлияло? Она уже хотела было потребовать ответа, но поняла, что ничего не добьется, так что вместо этого смягчилась.

– Ладно. – Она отступила на шаг, увеличивая дистанцию между ними. – Я дождусь тебя здесь.

Аид поморщился:

– Я заглажу свою вину.

Персефона изогнула бровь:

– Поклянись.

Глаза Аида отразили блеск хрустальных люстр.

– Ох, дорогая. Нет нужды вытягивать из меня клятву. Ничто не удержит меня от занятий любовью с тобой.

Глава II. Прикосновение двуличия

Тело Персефоны вибрировало, разогретое искрой, что подбросил Аид. Выйдя из-под контроля, пламя охватило все ее тело. В поисках того, на что можно было бы отвлечься, она вышла из дворца и пошла по саду, вдыхая аромат влажной почвы и сладких цветов. Богиня гладила лепестки и листья, мимо которых проходила, пока не вышла к дикому полю, где желтеющая трава танцевала на легком ветерке.

Персефона бросилась бежать, и там, где ее ноги касались земли, распускались оранжевые цветы. Ей даже не приходилось сосредотачиваться на магии. Она лучами исходила из ее тела, свободная и неконтролируемая. К богине присоединились доberman Аида, гоняясь друг за другом, пока она не остановилась у края луга Гекаты.

Богиня сидела, скрестив ноги, возле своего коттеджа, с закрытыми глазами. Персефона не знала, медитирует ли та или плетет заклинание. Девушка предполагала, что богиня колдовства и вовсе может в этот момент насыпать проклятие на кого-то из смертных в верхнем мире за какое-нибудь гнусное преступление против женщин.

Цербер, Тифон и Орф не последовали за Персефой, когда та приблизилась к богине.

– Уже насытилась? – спросила Геката с закрытыми глазами.

Персефона никогда не простит Аиду то, что случилось перед всеми его людьми и теперь останется в веках.

– А разве похоже? – проворчала она.

Из-за сексуального отчаяния богиня была мрачнее тучи.

Геката приоткрыла сначала один глаз, потом второй.

– А, – произнесла она. – Хочешь вместо этого попрактиковаться?

– Если только можно будет что-нибудь взорвать.

Едва заметная улыбка мелькнула на ягодных губах Гекаты.

– Тебе предстоит помедитировать.

– *Помедитировать?*

Меньше всего на свете Персефоне сейчас хотелось остаться наедине со своими бушующими мыслями. Геката хлопнула по земле рядом с собой. Персефона вздохнула и села. Все ее тело пронизывало напряжение, руки были теплыми и вспотевшими.

– Твой первый урок, богиня. Контролируй свои эмоции.

– Разве это урок?

Геката бросила на нее многозначительный взгляд.

– Хочешь поговорить о том, что произошло? Те двери распахнулись из-за твоей магии.

Никто не открывал их изнутри.

Персефона поджала губы и отвела взгляд. Она и правда думала, что кто-то открыл двери, а не ее магия их распахнула. Почему-то от этого вся ситуация стала еще унижительнее.

– Не расстраивайся, моя милая. Это случается и с лучшими из нас.

Ее слова заинтриговали Персефону.

– И с тобой тоже?

Геката рассмеялась:

– Нет, дорогая, мне не нравятся люди.

Она нахмурилась.

Персефона знала, что ее эмоции связаны с ее силами. Цветы вырывались из-под земли, когда она злилась, и стебли оплетали Аида в моменты страсти без предупреждения. Здесь стоило вспомнить и Минфу, превратившуюся в куст мяты из-за своих же оскорбительных слов, и Адониса, которому в Саду богов Персефона угрожала превратить его конечности в ветви. Не говоря уже о том, как богиня весны разрушила оранжерею своей матери.

– Ладно. Ты права, у меня есть проблема, – признала Персефона. – Как мне с ней справиться?

– С помощью практики, – ответила Геката. – И постоянной медитации. Чем чаще ты будешь медитировать, тем больше от этого выиграешь – и ты, и твоя магия.

Персефона поморщилась:

– Но я *ненавижу* медитацию.

– А ты когда-нибудь пробовала медитировать?

– Да, и это ужасно *скучно*. Надо ведь просто... *сидеть*.

Уголки рта Гекаты приподнялись.

– Ты заблуждаешься. Цель медитации в том, чтобы обрести контроль. Разве контроль – это не то, чего тебе так не хватает, Персефона?

Голос Гекаты отозвался где-то глубоко внутри, с нотой соблазна. Персефона не могла отрицать, что страстно жаждала того, что предлагала богиня. Она хотела обрести контроль над всем – своей магией, своей жизнью, своим будущим.

– Я слушаю, – произнесла Персефона.

Геката продолжила с лукавой улыбкой:

– Смысл медитации состоит в том, чтобы оставаться сосредоточенной каждую секунду, вместо того чтобы отвлекаться на то, что тебя изводит, – на то, что тянет тебя вниз, заставляет твою магию создавать вокруг тебя щит.

Геката заставила ее выполнить несколько медитаций, велев сосредоточиться на дыхании. Персефона была уверена, что все могло бы пройти спокойно, если бы ей удалось не дать своему разуму отвлекаться на Аида. Она могла поклясться, что дважды он был прямо за ней. Богиня чувствовала его дыхание на своей коже, мягкое царапанье его бородки на своей щеке, когда он шептал ей на ухо.

«Я думал о тебе весь день».

По спине у нее пробежала дрожь, и внутри все напряглось.

«О том, какая ты на вкус, как мой член скользит внутри тебя, как ты стонешь, когда мы занимаемся любовью».

Персефона прикусила губу, и между ног у нее запольхал пожар.

«Я хочу любить тебя так страстно, чтобы твои крики достигли ушей всех живых».

Персефона сделала резкий вздох и открыла глаза. Она взглянула на Гекату – та бросила на нее многозначительный взгляд, изогнув бровь, и встала.

– А знаешь, – произнесла она. – Давай-ка встряхнемся.

* * *

– Я опоздаю! – Персефона скинула одеяло и вскочила с кровати.

Аид застонал и протянул к ней руку.

– Вернись в постель, – сонно произнес он.

Не обращая на него внимания, она забежала по комнате в поисках своих вещей. Сумочку Персефона нашла на кресле, туфли – под кроватью, а одежду – смятой в складках простыней. Она высвободила ее, но Аид выхватил вещи у нее из рук.

– Аид... – зарычала она и потянулась к нему.

Его руки обхватили ее за талию, и он перекатился, прижав ее своим телом.

Она засмеялась, извиваясь под ним:

– Аид, прекрати! Я и так опаздываю, и в этом виноват ты.

Он выполнил свое обещание, вернувшись в подземное царство около трех утра. Скользнув в кровать позади нее, он поцеловал ее с пожеланием доброй ночи, но не остановился на этом. Позднее в глубоком сне она нажала кнопку «Отложить», когда зазвенел будильник.

– Не опаздываешь. – Он наклонился, чтобы поцеловать ее. – Я доставлю тебя туда за секунды.

– Хм-м, – она уперлась руками ему в грудь. – Спасибо, но я предпочитаю длинный путь. Он изогнул бровь и бросил грозный взгляд, прежде чем скатиться с нее. Она снова встала, подняла свою смятую одежду и поморщилась.

– Позволь, я помогу, – Аид щелкнул пальцами, и на богине появилось строгое черное платье и туфли на каблуках.

Она опустила взгляд и провела ладонями по слегка переливающейся ткани.

– Я обычно не ношу черное, – произнесла она.

Аид ухмыльнулся.

– Порадуй меня, – произнес он.

Когда Персефона собралась, он настоял на том, чтобы ее отвез его водитель, и в итоге она оказалась на заднем сиденье черного «Лексуса» Аида. Антоний, циклоп и слуга бога мертвых, сидя на водительском кресле, насвистывал мелодию, в которой Персефона узнала песню из альбома Аполлона «Белый ворон». Хотя музыка этого бога ей не особо нравилась, пятничный вечер она провела именно в его клубе, празднуя день рождения своей лучшей подруги, Лексы Сидерис. В клубе крутили исключительно его песни, и теперь у богини было ощущение, что она знает их все наизусть, отчего ее тошнило от них еще больше.

Она изо всех сил старалась не обращать внимания на неумолкающий фальцет Аполлона и вскоре отвлеклась на переписку с Лексой.

«Теперь ты официально знаменитость» – таким было первое сообщение подруги.

Богиню накрыла волна тревоги, когда Лекса отправила несколько ссылок на «срочные новости» газет со всей Новой Греции – все они были о ней и Аиде.

Персефона перешла по первой ссылке, потом по следующей и следующей. Большинство статей пересказывали на свой лад подробности ее публичного воссоединения с Аидом и иллюстрировались изобличительными фотографиями. Богиня покраснела, увидев их. Она не ожидала, что царь мертвых появится в верхнем мире, и при виде его у Персефоны едва не разорвалось сердце. Она подбежала к нему, прыгнула в его объятия и обвила ногами, словно так и надо. Руки Аида подхватили ее снизу, а их губы слились в поцелуе, который она до сих пор ощущала на своих губах.

Персефона должна была предвидеть эту бурю в медиаизданиях, но после вечеринки по случаю дня рождения Лексы она провела выходные в подземном царстве, уединившись с Аидом в его спальне – изучая, лаская и подчиняясь. Она даже не задумывалась о том, что происходило в верхнем мире после ее ухода. А с такими изображениями сложно было избежать домыслов и слухов по поводу их отношений.

Последний заголовок напугал ее больше всего:

Все, что вам нужно знать о любовнице Аида

Это был самый страшный ее ночной кошмар.

Она пробежала глазами статью, с облегчением обнаружив, что там нет информации, раскрывающей ее божественное происхождение, но Персефоне все равно стало не по себе. Там говорилось, что она из Олимпии, четыре года назад начала посещать Университет Новых Афин и окончила его по специальности «Журналистика». В статье также было несколько цитат студентов, утверждавших, что «они с ней знакомы», – перлы вроде «можно сказать, она действительно умна», «она всегда была тихоней» и «она много читает».

Еще статья подробно расписывала историю событий ее жизни, включая стажировку в «Новостях Новых Афин», статьи об Аиде и их примирение возле «Кофе Хаус».

«Очевидцы говорят, что им были неизвестны мотивы Аида, когда тот объявился в верхнем мире, но оказалось, что он сделал это с целью искупить вину перед журналисткой Персефой Роузи, из-за чего возникает вопрос: когда начался их роман?»

Персефона осознала иронию всей ситуации – она была журналистом-расследователем. Она обожала исследовать. Обожала добираться до сути проблемы, предоставлять факты и спасать смертных от гнева богов, полубожеств и их самих.

Но сейчас все было иначе.

Речь шла о ее личной жизни.

Она знала, как работает пресса – теперь она стала загадкой, которую нужно разгадать, и те, кто исследовал ее прошлое, стали угрозой всему, над чем она так упорно трудилась.

Угрозой ее свободе.

«Я знаю, что сейчас ты психуешь, – написала Лекса. – Не надо».

«Тебе легко говорить. Это не твое имя пестрит во всех заголовках».

Подруга ответила:

«Технически это не твое имя, а Аида».

Персефона закатила глаза. Она не хотела быть чьей-то собственностью. Она хотела иметь собственное имя, заслуженное тяжелым трудом, но отношения с богом лишили ее этого.

И что скажет ее начальник?

Деметрий Аэнос был замечательным руководителем. Он верил в правду и стремился доносить ее при любых обстоятельствах. Он уволил Адониса за то, что тот назвал Персефону стервой и украл ее работу. Поняв, под каким давлением она оказалась из-за своих статей об Аиде, он сказал ей, что она не обязана продолжать, если не хочет. Но все это было тогда, когда он не знал, что она встречается с богом мертвых.

Каковы будут последствия?

Боги, ей нужно прекратить думать об этом.

Она сосредоточила взгляд на телефоне и написала ответ Лексе.

«Прекрати избегать ЛУЧШЕЙ новости этого дня. Поздравляю с первым днем!»

Лексу наняли планировать мероприятия фонда «Кипарис», некоммерческой организации Аида. Персефона узнала об этом вскоре после объявления о запуске проекта «Алкион».

Лексе предложили работу прямо в день ее рождения.

– Она бы в любом случае получила эту работу, – пожал плечами Аид, когда Персефона спросила, не он ли все это устроил. – Она идеально для нее подходит.

«Спасибо, солнышко! Я так волнуюсь!» – ответила Лекса.

– Мы на месте, миледи.

Слова Антония привлекли ее внимание к Акрополю.

Персефона широко распахнула глаза, внутри у нее словно затянулся узел, когда она выглянула в окно.

У входа в здание высотой в сто один этаж собралась огромная толпа. Охрана вышла к ним, чтобы контролировать ситуацию, и расставила барьеры. Несколько смущенных работников пытались прорваться в здание сквозь орущую толпу. Персефона поняла, что все они здесь из-за нее, и порадовалась, что окна машины Аида были практически черными и через них невозможно заглянуть в салон. И все же она слегка соскользнула вниз по сиденью, застонав:

– О нет.

Антоний приподнял бровь, посмотрев на нее через зеркало заднего вида:

– Что-то не так, миледи?

Она встретилась с ним взглядом, смущенная его вопросом.

Конечно, что-то не так!

Пресса, эта толпа, они угрожали... всему.

– А ты не мог бы высадить меня через квартал отсюда? – спросила Персефона.

Антоний нахмурился:

– Лорд Аид велел мне высадить вас возле Акрополя.

– Лорда Аида здесь нет, и, как видишь, это невозможно, – сказала она, стиснув зубы. Потом она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. – Пожалуйста?

Циклоп смягчился и сделал, как она велела. Пока они ехали, Персефона создала пару солнцезащитных очков и собрала волосы в пучок. Эту маскировку вряд ли можно было назвать достаточной, но ее должно было хватить, чтобы не привлечь внимания прохожих.

Антоний снова бросил на нее взгляд и предложил:

– Я могу проводить вас до дверей.

– Нет, все в порядке, Антоний. Спасибо.

Циклоп поерзал на сиденье – ему явно было некомфортно.

– Аиду это не понравится.

Она встретилась с Антонием взглядом в зеркале.

– Ты ведь не расскажешь ему, правда?

– Так было бы лучше для вас, миледи. Лорд Аид обеспечил бы вас водителем, чтобы привозить и увозить с работы, и эгидой для защиты.

Персефона не нуждалась ни в водителе, ни в охране.

– Пожалуйста, – попросила она Антония. – Не говори Аиду.

Ей нужно было, чтобы он понял. Иначе она будет чувствовать себя узницей, а это то, от чего она пыталась сбежать больше восемнадцати лет.

Циклоп сдался не сразу, но потом наконец кивнул:

– Как пожелаете, миледи, но если что-то пойдет не так, я сразу же позвоню боссу.

Отлично. Этого ей будет достаточно. Она похлопала Антония по плечу:

– Спасибо, Антоний.

Персефона покинула безопасный салон машины и пошла с опущенной головой в сторону Акрополя. Гудение толпы становилось все громче, и богиня замерла, увидев, что людей стало еще больше.

– О боги, – простонала она.

– Да уж, заварила ты кашу, – произнес голос у нее за плечом. Она развернулась и увидела прекрасного голубоглазого бога.

Гермес.

За последние несколько месяцев он стал одним из ее любимых богов. Он был красивым и смешным и всегда подбадривал ее. Сегодня он был одет как смертный. Ну, по большей части. Гермес по-прежнему был неестественно прекрасен благодаря золотым кудрям и сияющей бронзовой коже. В качестве наряда он выбрал розовую рубашку поло и темные джинсы.

– Кашу? – смущенно переспросила она.

– Смертные говорят так, когда попадают в неприятности. Ты разве никогда не слышала?

– Нет, – ответила она, но в этом не было ничего удивительного. Богиня провела восемнадцать лет в стеклянной тюрьме. Она много чего не знала. – Что ты здесь делаешь?

– Увидел новости. – Он широко улыбнулся. – Вы с твоим мальчишкой-игрушкой¹ теперь официально в отношениях.

Персефона вперила в него свирепый взгляд.

– Мужчиной-игрушкой? – предложил он.

Она все еще гневно смотрела на него.

– Ладно, хорошо. Богом-игрушкой.

Она сдалась и вздохнула, спрятав лицо в ладонях.

¹ Воу-той (англ. «мальчик-игрушка») – молодой человек, состоящий в любовной связи с женщиной, которая обычно старше по возрасту и содержит его (прим. переводчика).

– Я больше никогда не смогу никуда ходить.
– Это не так, – произнес Гермес. – Ты просто не сможешь никуда ходить, не окруженная толпой.

– Тебе никто не говорил, что от тебя нет никакой пользы?

– Нет. В смысле, я же посланник богов и все такое.

– А электронная почта тебя разве не заменила?

Гермес надул губы.

– Ну и от кого теперь тут никакой пользы?

Персефона снова выглянула за угол здания. Она почувствовала, как подбородок Гермеса уткнулся ей в макушку, когда он проследил за ее взглядом.

– А почему ты просто не перенесешься внутрь? – поинтересовался он.

– Я пытаюсь сохранить видимость, что я смертная, а это значит, что мне нельзя пользоваться магией в верхнем мире.

Она была не в настроении объяснять, что еще только учится контролировать свою магию.

– Но это же безумие. Почему ты не хочешь ступить на эту притягательную дорожку?

– Что тебе непонятно в нормальной смертной жизни?

– Вообще ничего.

Конечно, он не понимал. В отличие от нее Гермес всегда существовал как олимпиец. По правде говоря, он начал свою жизнь так же, как жил сейчас, – плутовски.

– Слушай, если ты не собираешься помочь...

– Помочь? А ты просишь?

– Нет, если это значит, что я буду должна тебе услугу, – быстро ответила Персефона.

У богов было все: богатство, власть, бессмертие – их валютой были услуги, которые являлись, по сути, контрактом. Его детали определялись в будущем, и от его исполнения нельзя было отказаться.

Она предпочла бы умереть.

– Тогда не услугу, – сказал он. – Свидание.

Она бросила на него раздраженный взгляд.

– Ты хочешь, чтобы Аид тебя уничтожил?

– Я хочу повеселиться со своей подружкой, – парировал Гермес, скрестив руки на груди. –

Так что давай, уничтожь меня.

Она уставилась на него с притворным подозрением, а потом улыбнулась:

– Договорились.

Бог ответил ей обворожительной улыбкой:

– Как насчет пятницы?

– Проведи меня в это здание, и я проверю свое расписание.

Он широко улыбнулся:

– Будет сделано, Сефи.

Гермес исчез и тут же возник в самом центре толпы. Его фанаты завизжали, умирая от восторга. Гермес упивался вниманием, выписывая автографы и позируя для фотографий. Тем временем Персефона прокралась по тротуару и никем не замеченная проникла в Акрополь. Она бросилась к лифтам, опустив голову, пока ждала своей очереди в группе людей. Девушка чувствовала, что они тарашатся на нее, но это было не важно. Она уже была в здании, ей удалось избежать толпы, и теперь она могла попасть на работу.

Когда она приехала на свой этаж, в приемной ее встретила новый секретарь, Елена. Она заменила Валери, которая поднялась на несколько этажей, устроившись на работу в креативное агентство «Дуб и орел», маркетинговую компанию Зевса. Елена была моложе Валери и еще училась, а значит, была готова угождать и улыбаться. Еще она была очень красивой – с синими,

как сапфиры, глазами, светлыми волосами, ниспадавшими каскадом локонов, и идеальными розовыми губами. При этом в целом она просто была очень милой. Персефоне она нравилась.

– Доброе утро, Персефона! – произнесла девушка нараспев. – Надеюсь, вам было не слишком сложно попасть в здание.

– Все нет, – богине удалось сохранить спокойный голос. Наверное, это была вторая по величине ложь, что она когда-либо произносила, – после ее обещания матери держаться подальше от Аида. – Спасибо, Елена.

– Вам уже несколько раз звонили за сегодняшнее утро. Если там были истории, которые могли вас заинтересовать, я отправляла их вам на голосовую почту. А если звонили с просьбой об интервью, я записывала сообщение, – она подняла огромную стопку цветных стикеров. – Они вам нужны?

Персефона уставилась на кипу записок:

– Нет, спасибо, Елена. Ты и правда лучшая.

Девушка улыбнулась.

Стоило только Персефоне повернуться к своему столу, как Елена окликнула ее:

– Ой, а еще Деметрий просил вас зайти к нему.

Ужас тяжелым грузом опустился у нее внутри, словно кто-то закинул камень прямо ей в горло. Она сглотнула и вымученно улыбнулась:

– Спасибо, Елена.

Персефона пересекла рабочий зал с идеально ровно расставленными столами, бросила вещи и налила себе чашку кофе, прежде чем отправиться в кабинет Деметрия. Она застыла в дверях, оказавшись не готовой привлечь к себе внимание. Ее начальник сидел за столом, уставившись в планшет. Деметрий был привлекательным мужчиной среднего возраста с темными волосами с проседью и неизменной легкой щетиной. Он всегда выбирал цветную одежду и галстуки с рисунком. Сегодня на нем была ярко-красная рубашка и голубая бабочка в белый горошек.

На столе перед Деметрием лежала стопка газет с заголовками, подобными:

Лорд Аид встречается со смертной? Журналистку застали целующейся с богом мертвых. Смертная, оклеветавшая царя подземного мира, влюбилась?

Деметрий, должно быть, почувствовал ее взгляд, потому что наконец поднял глаза от планшета. Статья, которую он читал, отразилась в его очках в черной оправе. Она прочитала заголовок. Это был еще один шедевр о ней.

– Персефона. Пожалуйста, входи. Закрой дверь.

Камень у нее в животе вдруг стал еще тяжелее. Закрыться в кабинете Деметрия было подобно возвращению в оранжерею матери – ее тревога возросла, и она вдруг ощутила страх быть наказанной. Ее кожа запылала, горло сжалось, язык стал толстым и неповоротливым... Казалось, Персефона вот-вот задохнется.

«Вот оно, – подумала она. – Сейчас он меня уволит».

То, как он оттягивал время, привело ее в отчаяние. Зачем он предложил ей сесть? Почему вел себя так, словно будет неприятный разговор?

Она сделала глубокий вдох и присела на край стула.

– Чем вы занимаетесь? – спросила она, глядя на кипу газет. – Выбираете лучшие из лучших?

– Не смог удержаться, – усмехнулся он. – Такая захватывающая история.

Персефона бросила на него сердитый взгляд.

– Вам что-то было нужно? – наконец спросила она в надежде сменить тему – в надежде, что причина, по которой он вызвал ее к себе, не имела ничего общего со всеми этими заголовками.

– Персефона, – произнес Деметрий, и она поморщилась от деликатного тона его голоса. Что бы там ни было, ничего хорошего ее ждать не могло. – У тебя огромный потенциал, и ты уже доказала, что готова бороться за правду – я это очень ценю.

Он умолк, и ее тело еще больше напряглось, приготовившись к удару, который он собирался на нее обрушить.

– Но... – произнесла она, догадываясь о направлении разговора.

Деметрий взглянул на нее с еще большим сочувствием.

– Ты знаешь, что я бы не стал тебя просить, если бы мне не пришлось, – сказал он.

Она заморгала, нахмутив брови:

– Просить о чем?

– Об эксклюзивном интервью. О твоих отношениях с Аидом.

Ужас выбрался из ее живота, распространившись на грудь и легкие, и богиня почувствовала, как кровь отлила от ее лица.

– Почему вам приходится об этом просить? – ее голос звучал напряженно, и она пыталась сохранить спокойствие, но ее руки, сжимающие чашку с кофе, уже дрожали.

– Пер...

– Вы сказали, что не стали бы просить, если бы вам не пришлось, – перебила она. Она устала от того, как он произносит ее имя. Устала от того, как *долго* он переходит к сути. – Так почему вы просите?

– Это пришло сверху, – ответил он. – Мне ясно дали понять, что ты либо даешь нам интервью, либо больше здесь не работаешь.

– Сверху? – повторила она и на мгновение замолкла, вспоминая имя. Наконец оно всплыло в ее голове. – Кэл Ставрос?

Кэл Ставрос был смертным. Он являлся главным исполнительным директором «Эпик Коммьюникейшнс», которым принадлежали «Новости Новых Афин». Персефоне мало что было о нем известно, кроме того, что он был любимцем таблоидов. По большей части потому, что он был красив – его имя в буквальном переводе означало «коронованный как самый красивый».

– Зачем главному исполнительному директору требовать эксклюзивное интервью?

– Не каждый день узнаешь, что на тебя работает подружка самого бога мертвых, – произнес Деметрий. – Все, к чему ты прикоснешься, превратится в золото.

– Тогда дайте мне писать о чем-нибудь еще, – попросила она. – У меня на голосовой почте и среди писем куча наводок.

Это действительно было так. Сообщения лились на нее потоком с того момента, как была опубликована ее первая статья об Аиде. Персефона медленно рассортировывала их, организуя по папкам в соответствии с богами, которых они критиковали. Она могла написать о любом олимпийце, даже о собственной матери.

– Ты можешь написать о чем-нибудь еще, – сказал Деметрий. – Но, боюсь, нам все равно нужно от тебя эксклюзивное интервью.

– Вы ведь это не всерьез? – все, что она смогла выдать, но лицо Деметрия выражало однозначный ответ. Она предприняла еще одну попытку: – Это ведь моя личная жизнь.

Взгляд ее начальника упал на стопку газет перед ним.

– И она стала публичной.

– Кажется, вы говорили, что поймете, если я захочу прекратить писать об Аиде.

Персефона заметила, как у Деметрия опустились плечи, и ей стало немного легче оттого, что он, по крайней мере, тоже был слегка этим деморализован.

– У меня связаны руки, Персефона, – ответил он.

После затянувшегося молчания она спросила:

– И это все? У меня нет права отказаться?

– У тебя есть выбор. Мне нужна статья к следующей пятнице.

После этого Деметрий ее отпустил.

Персефона вернулась к своему столу. Ее разум отчаянно пытался найти выход из сложившейся ситуации – иной, кроме как написать статью или уволиться. Она мечтала работать на «Новости Новых Афин» с тех самых пор, как решила пойти на журналистику в свой первый год в колледже. Она полностью поверила в их мантру рассказывать правду и обличать несправедливость.

Теперь она спрашивала себя, не было ли все это бессмысленно.

Как отреагирует Аид, когда она расскажет ему, что главный исполнительный директор «Эпик Коммьюникейшнс» потребовал историю о них самих? Задавшись этим вопросом, она тут же осознала, что по-прежнему не хочет, чтобы Аид вел за нее ее битвы. Ей был ненавистен тот факт, что она знала – они бы послушались Аида из-за его статуса древнего олимпийца, но не ее – ту, кого они считали смертной женщиной.

Нет, она обязана найти решение сама, и в одном она была абсолютно уверена – Кэл пожалеет о своей угрозе.

Персефона не поднимала взгляда от своего компьютера с тех пор, как вернулась от Деметрия. Несмотря на то, какой сосредоточенной она казалась со стороны, богиня чувствовала на себе любопытные взгляды. Ей казалось, будто по ее коже ползают пауки. Она изо всех сил старалась сконцентрироваться, просматривая сотни сообщений в почтовом ящике и прослушивая голосовую почту от людей, у которых «была для нее история». Большинство из них были о том, как Зевс и Посейдон превратили их мать / сестру / тетю в волка / лебедя / корову по какой-то гнусной причине, и Персефоне вдруг стало интересно, как Аид мог быть с ними в родстве.

Лекса проверила ее во время ланча, прислав сообщение:

«Как ты? Все нормально?»

«Нет, все становится только хуже и хуже», – ответила Персефона.

«????»

«Расскажу потом. Слишком долго писать».

«Хочешь выпить?» – уточнила Лекса.

Богиня рассмеялась:

«Нам же завтра на работу, Лекс».

«Я просто пытаюсь быть хорошей подругой».

Персефона улыбнулась и сдалась:

«Ну, если только немного. К тому же нам нужно отметить ТВОЙ первый день в фонде «Кипарис». Как у тебя дела?»

«Великолепно, – ответила Лекса. – Мне еще много чему надо научиться, но, похоже, тут будет потрясающе».

Весь оставшийся день Персефона старательно избегала Деметрия. Елена была единственной, кто с ней заговорил, да и то только для того, чтобы сообщить, что для нее пришло письмо в розовом конверте. Открыв его, Персефона увидела, что конверт набит грубо вырезанными бумажными сердцами.

– Ты не видела, кто положил его мне в почтовый ящик? – спросила она Елену. На конверте не было ни обратного адреса, ни марки. Кто бы ни был отправителем, он принес его сам.

Девушка покачала головой:

– Он уже был здесь утром.

«Как странно», – подумала богиня и выкинула письмо в мусорное ведро.

В конце дня Персефона на лифте спустилась на первый этаж и обнаружила, что толпа по-прежнему ждет снаружи. Она поразмышляла над вариантами. Можно было просто выйти через парадный вход и смело встретить толпу. Охрана могла бы сопроводить ее, но только до тротуара, если она не позовет Антония, чтобы тот ее отвез. Она знала, что циклоп с радостью

приедет, но его преданность ей ослабеет, если он увидит, что эти люди до сих пор ждут, пока она выйдет с работы, а ей очень, *очень* не хотелось, чтобы к ней приставили эгиду. Также была небольшая вероятность, что ее магия всколыхнется, если что-то пойдет не так, а богиня не хотела идти на риск. Значит, перемещение тоже было исключено. Оставался лишь один вариант – найти другой путь из здания.

Других выходов было несколько. Нужно было лишь найти тот, у которого не стоят осатанелые фанаты. Она могла показаться параноиком, но на самом деле Персефона всего лишь была хорошо проинформирована. Обожатели богов готовы были сделать все, что угодно, чтобы взглянуть, прикоснуться, ощутить вкус божества, включая их значимых близких.

Она повернулась и пошла по коридору в обратную сторону от толпы в поисках другого выхода.

Персефона подумала о том, чтобы выйти через подземную парковку, но ей не очень-то хотелось оказаться загнанной в угол кучкой незнакомцев в месте, где было темно и пахло бензином и мочой.

«Может, через пожарный выход?» – подумала она. Даже если из-за этого включится сирена. К этим дверям не было доступа снаружи, а значит, там ее никто не будет поджидать.

Окрыленная идеей добраться до дома и провести вечер с Лексой после напряженного дня, Персефона ускорила шаг. Свернув за угол, она вдруг с кем-то столкнулась. Она не подняла головы, чтобы посмотреть, кто это, опасаясь быть узнанной.

– Извините, – пробормотала она, отступила на шаг и торопливо пошла к выходу впереди.

– Я бы на вашем месте не стал выходить через ту дверь, – голос остановил девушку, когда ее ладонь коснулась металлической ручки. Она обернулась и встретилась взглядом с парой серых глаз. Лицо мужчины было худым и красивым, с острыми скулами и полными губами, окруженным копной непослушных волос. На мужчине был серый комбинезон уборщика. Она никогда прежде его не видела.

– Потому что включится сирена? – уточнила она.

– Нет, – ответил он. – Потому что я только что вошел через ту дверь, и если вы та женщина, о которой говорят в новостях последние три дня, думаю, люди за дверью ждут именно вас.

Она раздосадованно вздохнула и добавила несчастным тоном:

– Спасибо за предупреждение.

Она повернулась к прилегающему коридору, но мужчина снова окликнул ее:

– Если вам нужна помощь, я могу вытащить вас отсюда.

Персефона ответила скептическим взглядом:

– Как именно?

Уголки его рта приподнялись, но выглядело это так, словно он давно забыл, как нужно улыбаться.

– Вам вряд ли понравится.

Глава III. Прикосновение несправедливости

Он был прав. Персефона пришла в ужас.

– Я туда не полезу.

Речь шла о кузове грузовика, набитом мусором.

Она была неправа, когда говорила о запахе бензина и мочи на парковке. Его-то она смогла бы вынести, ведь там не нужно было лезть в вонючий мусор.

Уборщик привел ее в подвал – сам маршрут внушил ей чувство беспокойства и заставил покрепче сжать ключи от квартиры. «Вот так людей и убивают», – подумала она, но тут же сказала себе, что просто пересмотрела детективов.

Подвал был заполнен всякой всячиной – лишней мебелью и предметами искусства. Здесь же находились прачечная, кухня ресторана и техническое помещение, где она и стояла сейчас, глядя на свой «спасательный транспорт», как начал называть его мужчина.

Он теперь, казалось, потешался над ней.

– Либо так, либо выходить через ту дверь, – пожал плечами он. – Вам решать.

– Откуда мне знать, что вы не выкатите меня прямо к той толпе?

– Послушайте, вам необязательно это делать. Я просто подумал, что вы захотите сегодня как-то попасть домой. Что касается меня и моей помощи, у меня нет никакого желания смотреть, как кто-то страдает из-за своей связи с богом.

Что-то в том, как он это сказал, навело Персефону на мысль, что он и сам из-за этого пострадал, но она не стала ничего у него выпытывать. Она просто задумчиво смотрела на него, прикусив губу.

– Ладно, давайте, – наконец проворчала она.

Мужчина помог ей забраться в кузов, и она устроилась в уголке, который он освободил для нее.

Подняв пакет с мусором, он вопросительно взглянул на нее:

– Готовы?

– Вряд ли к этому можно быть готовой, – ответила Персефона.

Он прикрыл ее мешками, и она вдруг оказалась в темноте. Машина сдвинулась с места. Вокруг нее зашуршал пластик, и она задержала дыхание, чтобы не чувствовать запах гнили и плесени. Содержимое пакетов впивалось ей в спину, и каждый раз, когда колеса наезжали на камни, кузов трясся, и она чувствовала трение пластика, подобного змеиной коже. Девушку тошнило, но она старалась держать себя в руках.

– Ваша остановка, – донесся до нее голос уборщика. Он поднял мешки, которыми прикрыл ее. Персефоне в лицо ударил свежий воздух, когда она поднялась из темной ямы.

Мужчина помог ей выбраться. Неуклюже обхватив ее за талию, он поставил богиню на ноги. От этого прикосновения она поморщилась и отступила назад, пошатнувшись.

Он привез ее в переулок, выходящий на улицу Пегаса. Отсюда до ее квартиры было около двадцати минут пешком.

– Спасибо... эм... Как вас зовут?

– Пирифой, – подсказал он и протянул руку.

– Пирифой. – Она пожала ему руку. – Я Персефона... Полагаю, вы и так уже это знаете.

Он проигнорировал ее комментарий и просто сказал:

– Рад с вами познакомиться, Персефона.

– Я у вас в долгу – за то, что вы помогли мне уехать.

– Ничего подобного, – быстро ответил он. – Я не бог. Я не требую услугу за услугу.

«У него определенно есть какая-то история, связанная с богами», – подумала Персефона, нахмурившись.

– Я всего лишь имела в виду, что принесу вам печенье.

Мужчина ответил ей ослепительной улыбкой, и в этот момент ей показалось, что за усталостью и грустью она смогла рассмотреть того человека, которым он был прежде.

– Значит, до завтра? – спросила она.

Он посмотрел на нее как-то странно, усмехнулся и произнес:

– Ага, Персефона. До завтра.

* * *

Когда богиня добралась до дома, в квартире уже пахло попкорном и гремела музыка Лексы. Не та, под которую можно было потанцевать – а та, под которую сгущались тучи, начинался дождь и окружала темнота. Музыка произносила собственное заклинание, созывая темные мысли, подобные мести Кэлу Ставросу.

Лекса ждала ее на кухне. Она уже переделалась в пижаму, обнажавшую ее татуировки: фазы луны на бицепсе, ключ, оплетенный болиголовом, на левом предплечье, изящный кинжал на правом бедре и колесо Гекаты на левом плече. Ее густые черные волосы были скручены на макушке. Рядом наготове стояли бутылка вина и два пустых бокала.

– А вот и ты, – сказала Лекса, пронизывая Персефону взглядом голубых глаз. Она указала на бутылку вина: – Твое любимое.

Персефона улыбнулась:

– Ты лучше всех.

– Я уже собиралась заявить в полицию о твоей пропаже.

Персефона закатила глаза:

– Я опоздала всего на полчаса.

– И не брала трубку, – отметила Лекса.

Персефона была так занята своими попытками выбраться из Акрополя и добраться до дома незамеченной, что ни разу не достала из сумочки телефон. Она сделала это сейчас и обнаружила четыре пропущенных звонка и несколько сообщений от Лексы. Ее лучшая подруга начала с вопроса о том, выехала ли она с работы, потом спросила, все ли у нее в порядке, а после перешла на отправку разных эмодзи, просто чтобы привлечь внимание.

– Если бы ты и правда думала, что я попала в беду, сомневаюсь, что ты стала бы посылать мне миллион эмодзи.

Лекса усмехнулась и распечатала вино.

– О, я благоразумно решила довести твоего похитителя до белого каления.

Персефона села напротив Лексы у кухонной барной стойки и сделала глоток вина. Это было каберне с богатым, насыщенным вкусом, который помог ей постепенно успокоить нервы.

– А если серьезно, тебе действительно стоит быть осторожнее. Ты теперь знаменитость.

– Я не знаменитость, Лекс.

– Эм, ты читала новостные статьи, что я тебе отправила? Люди просто одержимы тобой.

– Это *Аид* знаменитость, а не я.

– И ты – из-за связи с ним, – возразила Лекс. – На работе все сегодня только о тебе и говорили – кто ты, откуда родом.

Персефона застонала:

– Ты же ничего им обо мне не *говорила*?

Их дружба не была ни для кого секретом.

– В смысле, о том, что я знаю, что ты спишь с Аидом уже шесть месяцев и что ты богиня, прячущаяся под маской смертной?

Тон Лексы был беззаботным.

– Я сплю с Аидом не шесть месяцев. – Персефона вдруг ощутила необходимость защититься.

На этот раз пришел черед Лексы прищуриться:

– Ладно, пять месяцев.

Персефона бросила на нее сердитый взгляд.

– Слушай, я тебя не обвиняю. Мало кто из женщин отказался бы от возможности переспать с Аидом.

– Спасибо за напоминание, – цокнула Персефона, закатив глаза.

– А вот о нем того же не скажешь. В любом случае это его вина, что ваши отношения стали такой большой новостью. Насколько известно прессе, ты его первая серьезная партнерша.

Вот только в реальности все было совсем иначе, и хотя Персефона знала, что в жизни Аида были другие женщины, подробности ей были неизвестны. Она была не уверена, что вообще хочет знать. Богиня вспомнила о Минфе и содрогнулась.

Богиня сделала глоток вина:

– Я хочу поговорить о тебе. Как прошел твой первый день?

– Ох, Персефона, – мечтательно произнесла Лекса. – Это прямо какой-то чудесный сон. Ты знала, что проект «Алкион» должен принять пять тысяч людей уже в первый год?

Это было просто невероятно.

– Аид устроил мне экскурсию и представил всем.

Персефона не могла объяснить, что именно она почувствовала в этот момент, но явно ничего хорошего. Самым подходящим словом было бы... замешательство. Ей казалось, что уж она-то должна была знать о том, что Аид будет там, но бог мертвых ничего не сказал Персефоне утром, когда помогал собираться.

– Как мило с его стороны, – растерянно прокомментировала она.

– Похоже, он делает это для каждого нового сотрудника. В смысле, я знала, что Аид не похож на остальных богов, но чтобы вот так приветствовать своих работников? – Лекса покачала головой. – Просто... очевидно, что он влюблен в тебя без памяти.

Персефона подняла глаза:

– С чего ты это взяла?

– Куда бы я сегодня ни взглянула, по всему было видно, как ты его вдохновила.

Брови Персефоны сошлись на переносице.

– В смысле?

Лекса пожала плечами:

– Это... сложно объяснить. Он просто... говорит теми же словами, что и ты, когда рассказывает о помощи людям. Говорит о надежде, прощении и втором шансе.

Чем больше говорила Лекса, тем сильнее богине сдавливало грудь – знакомое покалывание ревности сжимало ее легкие.

Ее лучшая подруга хихикнула:

– А кроме этого... есть и физические признаки.

Персефона приподняла бровь, и Лекса расхохоталась:

– Нет, не в *этом* смысле! Физические в смысле... фотографии.

– Фотографии?

На этот раз пришел черед Лексы смутиться.

– Ну да. У него в офисе висят твои фотографии. Ты об этом не знала?

Нет, она не знала, что у Аида есть офис в фонде «Кипарис» и тем более что там есть ее фотографии.

Где он вообще их достал? У нее не было его фотографий. Персефоне вдруг расхотелось говорить об этом.

– Можно кое о чем тебя спросить? – сказала вдруг Лекса.

Персефона промолчала, в некотором роде опасаясь вопроса.

– Ты всегда хотела прославиться своей работой, так в чем сейчас проблема со всем этим вниманием?

Персефона вздохнула.

– Я хочу, чтобы меня уважали в моей сфере деятельности, – ответила она. – А теперь я чувствую себя всего лишь собственностью Аида. В каждой статье – Аид то, Аид се. Даже мое имя почти нигде не упоминается. Они называют меня «смертной».

– Они называли бы тебя по имени, если бы знали, что ты богиня, – предположила Лекса.

– И тогда меня бы узнавали из-за моей божественности, а не моей работы.

– А что в этом такого плохого? – не поняла она. – Возможно, изначально тебя бы узнавали из-за божественности, а потом ты бы стала известна благодаря своей работе.

Персефона не могла объяснить, почему для нее было так важно прославиться своими статьями, но это было так. Всю свою жизнь ей не удавалось то, для чего она была рождена, и хотя в том не было ее вины, она усердно трудилась в колледже. Она хотела, чтобы кто-нибудь заметил ее старания – и не только потому, что она писала об Аиде и встречалась с ним.

– Будь я на твоём месте, я бы не задумываясь стала жить этой жизнью, – сказала Лекса.

Персефона покраснела, удивленная.

– Все намного сложнее, Лекс.

– Что такого сложного в бессмертии, богатстве и магической силе?

«Да все», – хотелось ответить Персефоне. Но вместо этого она спросила:

– Неужели это и правда так плохо – желать скромной смертной жизни?

– Нет, если только ты не хочешь также встречаться с Аидом, – сказала Лекса.

– Я могу делать и то, и то, – возразила богиня. Она и делала – всего несколько дней назад.

– Так было, пока Аид был твоей тайной, – пожала плечами Лекса.

И хотя Персефона с Аидом не подтвердили и не опровергли подозрения прессы, ей предстояло раскрыть их отношения, если она хотела сохранить работу.

Персефона нахмурилась.

– Эй, – произнесла Лекса, подливая вина в бокал Персефоны. – Да не переживай ты так. Через несколько дней они переключат все свое внимание на какого-нибудь другого бога и какую-нибудь другую смертную. Может, Сивилла решит, что на самом деле любит Аполлона.

Персефона была в этом не уверена. В последний раз, когда они об этом говорили, Сивилла ясно дала понять, что ей неинтересны отношения с богом музыки.

– Я пошла в душ, – сказала Персефона.

Мысль об обжигающе горячей воде звучала все лучше и лучше. Ей не хотелось больше чувствовать на своей коже этот день, не говоря уж о том, что она по-прежнему ощущала себя окруженной мусором, и его запах до сих пор наполнял ее нос.

– Когда выйдешь, посмотрим кино, – предложила Лекса.

Персефона унесла свой бокал и сумочку в спальню. Бросив сумку на кровать, она направилась в ванную и включила воду. Пока вода нагревалась, она вернулась в спальню и отпила еще вина, а потом отставила бокал в сторону, чтобы расстегнуть платье.

Она замерла, почувствовав, как ее окружила магия Аида. Это было совершенно отчетливое ощущение – покалывание зимнего мороза в воздухе. Она закрыла глаза и приготовилась исчезнуть. Аид уже не раз без предупреждения переносил ее в подземное царство, но вместо этого его рука легла ей под подбородок и его губы сомкнулись на ее губах. Аид поцеловал ее так, словно они не занимались любовью сегодня утром, и когда он отстранился, Персефона едва могла дышать, забыв про напряжение всего этого дня.

Ладонь Аида согревала ее щеку, и он провел по ее губам большим пальцем, пронизывая взглядом темных глаз:

– Трудный день, дорогая?

Она открыла глаза и подозрительно прищурилась:

– Ты следил за мной сегодня?

Аид даже не моргнул.

– С чего ты взяла?

– Ты настоял на том, чтобы Антоний утром отвез меня на работу – наверняка потому, что уже знал, о чем пишет пресса.

Аид пожал плечами:

– Я не хотел тебя беспокоить.

– Поэтому позволил мне выйти прямо к толпе?

Он многозначительно приподнял бровь:

– А ты *вышла* к толпе?

– Ты *был* там! – взвилась она. – Я думала, мы договорились. Никакой невидимости.

– Меня там не было, – ответил он. – А вот Гермес был.

Чертов Гермес.

Она забыла взять у бога плутовства обещание не рассказывать Аиду о толпе. Он наверняка сразу бросился в «Неночь» с улыбкой на лице, чтобы доложить о случившемся.

– Ты ведь всегда можешь переместиться, – предложил Аид. – Или я мог бы отправить эг...

– Я не нуждаюсь в эгиде, – перебила Персефона. – И я предпочла бы не пользоваться магией... в верхнем мире.

– Если только не жаждешь отомстить?

– Это нечестно. Ты знаешь, что моя магия становится все более непредсказуемой. А я не хочу выдать себя в качестве богини.

– Богиня ты или нет, ты моя любовница.

Сама того не желая, девушка напряглась, потому что это слово ей не нравилось. По тому, как Аид прищурил глаза, она поняла, что он это заметил.

Бог продолжил:

– Это лишь вопрос времени, когда кто-то, кто жаждет отомстить мне, попытается причинить тебе вред. Я позабочусь о твоей безопасности.

Персефона поежилась. Об этом она не подумала.

– Ты правда думаешь, что кто-то может попытаться причинить мне вред?

– Дорогая, я сужу человеческую природу уже тысячу лет. Да.

– А ты не мог бы, ну, не знаю, стереть людям память? Заставить их забыть обо всем этом, – она взмахнула рукой между ними.

– Уже слишком поздно. – Он на мгновение умолк, а потом спросил: – Что такого ужасного в том, что все знают, что ты моя любовница?

– Да ничего, – торопливо ответила она. – Дело в самом *слове*.

– А что не так со словом «любовница»?

– От него тянет изменчивостью. Словно я всего лишь твоя секс-рабыня.

Аид приподнял уголок рта:

– И как же мне тогда тебя называть? Ты запретила использовать «моя царица» и «миледи».

– От этих титулов я чувствую себя *неловко*, – сказала она.

Персефона не знала, как еще объяснить, почему она попросила его не называть ее «моя царица» и «миледи», но к этому можно было добавить и то, что к этим двум ярлыкам она могла привыкнуть, а значит, стать уязвимой для возможного разочарования. От этих мыслей на нее нахлынуло чувство вины, но эхо разбитого сердца, от которого она страдала во время их разрыва, вынуждало ее быть осторожной.

– Дело не в том, что я не хочу, чтобы все знали меня как твою любовницу... просто должно же быть слово поприятнее.

– Подружка? – предложил Аид.

Она не смогла подавить смех.

– Что не так с «подружкой»? – сердито спросил он.

– Ничего, – быстро ответила богиня. – Просто оно кажется таким малозначительным.

Их отношения были слишком напряженными, слишком страстными, слишком древними, чтобы ей было достаточно называться просто его подружкой.

Но может, это были лишь ее ощущения.

Лицо Аида смягчилось, и он завел палец под ее подбородок.

– Ничто не может быть малозначительным в том, что касается тебя, – сказал он.

Они смотрели друг на друга, и воздух между ними тяжелел. Персефоне ужасно хотелось протянуть к нему руки, прижаться к его губам своими, ощутить его вкус. Ей нужно было преодолеть всего лишь несколько дюймов, и между ними запылало бы пламя – они бы нырнули в свою страсть так глубоко, что ничто другое больше бы не существовало.

Стук в дверь отвлек ее от этих мыслей, ввергнув ее сердце в иступление.

– Персефона! Я заказываю пиццу. Какие-нибудь пожелания? – крикнула Лекса.

Она прокашлялась.

– Н-нет. Меня устроит то, что ты сама закажешь, – ответила она через дверь.

– Тогда ананасы с анчоусами. Поняла.

Сердце Персефоны все еще грохотало у нее в груди. После долгого молчания за дверью Персефона уже было решила, что Лекса ушла, но та вдруг спросила:

– У тебя все в порядке?

Аид хохотнул и прильнул к ней, прижавшись губами к ее коже. Персефона выдохнула, запрокинув голову назад:

– Да.

Снова долгое молчание.

– Ты хоть слышала, что я собираюсь заказать?

– Давай только с сыром, Лекса!

– Ладно, ладно, слушаюсь, – по тону ее голоса Персефона поняла, что подруга улыбается.

Персефона уперлась руками в грудь Аида и заглянула ему в глаза:

– Не смейся.

– Почему? Я слышу, как бьется твое сердце. Боишься, что тебя застукают с дружкой?

Персефона закатила глаза:

– Кажется, я согласна на «любовника».

Он ответил ей смехом:

– А тебе не так-то просто угодить.

Настал ее черед улыбнуться:

– Я бы дала тебе шанс, но, боюсь, у меня нет на это времени.

Глаза Аида потемнели, он еще крепче прижал ее к себе.

– Я тебя не задержу, – его руки вцепились в платье, словно он хотел сорвать его с ее тела. – Со мной ты могла бы кончить за секунды. Тебе даже не придется раздеваться.

Персефона едва не клюнула на наживку, готовая потребовать доказательств, но потом вдруг вспомнила, как накануне он оставил ее в обеденном зале, и, несмотря на то что вернулся и загладил вину, ей захотелось наказать его.

– Боюсь, секунды меня не устроят, – ответила она. – Ты задолжал мне часы удовольствия.

– Позволь мне тогда сделать анонс. – Он наклонился к ней, прижавшись возбужденным членом к ее животу, но она оттолкнула его, уперевшись руками в его твердую грудь.

– Позже, может быть, – предложила она.

Он улыбнулся:

– Приму это за обещание.

После этого он исчез.

Персефона приняла душ и переоделась. Когда она вышла из комнаты, Лекса уже сидела на диване, свернувшись калачиком. Персефона села рядом, подтянув на себя одеяло Лексы и взяв попкорн.

– Что будем смотреть?

– «Пирам и Фисба», – ответила подруга.

Они часто пересматривали этот фильм – античную сказку о запретной любви, пересказанную на современный лад.

– Я рада, что ты не сказала «Титаны после мрака».

– Эй! Мне нравится это шоу.

– Они совершенно неправильно изображают богов.

– Да знаем, знаем, – ответила Лекса. – Они не воздают должное Аиду, но если для него это проблема, скажи ему, что он сам виноват. Ведь он сам всегда отказывался фотографироваться... ну, до недавнего времени.

Они включили фильм, начинавшийся с представления враждующих семейств, вступивших в войну за землю. Пирам и Фисба были молоды и искали развлечений. Они познакомились в клубе и под бушующими гипнотическими лучами влюбились друг в друга, только потом узнав, что являются заклятыми врагами. Девушки уже смотрели напряженную сцену, разыгравшуюся между семьями, когда брат Фисбы погибает от рук Пирама, как вдруг в дверь позвонили. Персефона и Лекса обменялись удивленными взглядами.

– Наверное, это пицца, – предположила Лекса.

– Я открою. – Персефона сбросила одеяло. – Поставь на паузу.

– Да ты видела это сотню раз!

– Поставь на паузу! – притворно пригрозила она. – Или я превращу тебя в базилик.

Лекса хмыкнула, но нажала на паузу.

– А может, это и правда было бы круто.

Персефона открыла дверь.

– Сивилла! – она широко улыбнулась, но ее восторг быстро сменился подозрением.

Что-то было не так.

Даже одетая в пижаму и с пучком на затылке эта блондинка оставалась красавицей. Сивилла стояла под бледным фонарем, освещавшим крыльцо, и выглядела опустошенной, словно только что плакала – по щекам ручейками стекала тушь.

– Можно мне войти? – спросила она сдавленным голосом.

– Да, конечно.

– Это пицца? – крикнула Лекса, подходя к двери. – Сивилла!

В следующий момент девушка разрыдалась.

Лекса и Персефона обменялись взглядами и тут же обняли Сивиллу, пока та всхлипывала.

– Все в порядке, – прошептала Персефона, пытаясь ее успокоить.

Ей показалось, она чувствует боль и смущение Сивиллы, хотя богиня никогда прежде не улавливала эмоции других людей. Словно тени, они скользили по ее коже – трепет грусти, удары ревности и бесконечный холод.

«Как странно», – подумала Персефона. Она отстранилась от этих ощущений, чтобы сосредоточить все внимание на Сивилле.

Они еще немного постояли, обнимаясь, в тесном кругу, пока Сивилла не овладела собой. Лекса отошла первой и налила Сивилле бокал вина, а Персефона тем временем отвела девушку в гостиную и дала ей коробку с салфетками.

– Простите, – наконец произнесла Сивилла, дрожащими руками принимая бокал. – Мне больше некуда было пойти.

– Мы всегда тебе рады, – сказала Персефона.

– Что случилось? – спросила Лекса.

У Сивиллы затряслись губы, ей не сразу удалось заговорить.

– Я... я больше не оракул.

– Что? – удивилась Лекса. – Как можно перестать быть оракулом?

Сивилла родилась с определенным пророческим даром, включавшим предсказание будущего и провидение. Персефона также знала, что Сивилла могла видеть нити судьбы, которые она называла «цветами», когда говорила Персефоне, что им с Аидом суждено быть вместе.

Сивилла откашлялась и сделала глубокий вдох, но, когда она заговорила, ее голос надломился.

– Я обещала себе больше не плакать из-за этого.

– Сивилла... – Персефона взяла ее за руку.

– Аполлон уволил меня и отобрал дар предвидения, – объяснила она. Она грустно рассмеелась, вытирая глаза, потому что слезы продолжали катиться у нее по щекам. – Как оказалось, нельзя без конца отказывать богу без каких-либо последствий.

Персефона не могла поверить в услышанное. В голове у нее всплыли слова Сивиллы о ее отношениях с Аполлоном. Все, включая ее близких друзей Ксеркса и Аро, считали их любовниками, но Сивилла рассказала им с Лексой, что ее никогда не интересовали отношения с богом музыки.

– Он хотел, чтобы мы стали больше, чем друзьями, а я ему отказала. Я слышана о его прошлых отношениях. Все они заканчивались катастрофой. Дафна, Кассандра, Гиацинт...

– Так, давай-ка еще раз, – произнесла Персефона. – Этот... *ребенок-бог* малость взбесился, потому что ты отказалась с ним встречаться, и лишил тебя твоей силы?

– Тсс! – Сивилла огляделась, явно испугавшись, что сюда явится Аполлон и срзлит их. – Нельзя такое говорить, Персефона!

Она пожала плечами:

– Пусть попробует мне отомстить.

– Ты такая бесстрашная, потому что у тебя есть Аид, – произнесла Сивилла. – Но ты забываешь, что боги имеют привычку наказывать тех, кто больше всего тебе дорог.

Слова Сивиллы заставили ее нахмуриться, и у богини вдруг поубавилось уверенности в себе.

– Значит, у тебя теперь нет работы? – уточнила Лекса.

Благодаря своему дару Сивилла поступила в Божественный колледж. Там ей помогли отточить силу, и Аполлон выбрал ее в качестве своего менеджера по связям с общественностью. Без этого дара работа, которой Сивилла обучалась последние четыре года, стала для нее недостижима. Даже если она бы вновь обрела свои силы, Персефона была не уверена, что кто-то нанял бы опального оракула, особенно уволенного самим Аполлоном. Он был золотым богом. Получал титул «Бог года» от «Божественных Дельф» семь лет подряд, лишь однажды лишившись этого звания, когда Зевс поразил здание журнала молнией в знак протеста.

– Он не может так поступить! – взорвалась Персефона. Ей было плевать, насколько обожаемым был бог музыки. Он не заслуживал уважения, если наказывал людей только за то, что они отказывались встречаться с ним.

– Он может делать все, что угодно, – пожала плечами Сивилла. – Он же бог.

– Это не значит, что так правильно.

– Правильно, неправильно, честно, нечестно – мы живем не в таком мире, Персефона. Боги наказывают нас.

Эти слова заставили Персефону содрогнуться, но хуже всего было то, что она знала – это правда. Боги использовали смертных в качестве игрушек и избавлялись от них, когда те осмеливались их разозлить или просто надоедали. Для богов жизнь ничего не значила, потому что у них самих была вечность.

– Я в общем-то была не против, чтобы меня уволили, но кто теперь меня наймет? – опустошенно произнесла Сивилла. – Я не знаю, что мне делать. Я не могу вернуться домой. Мать с отцом отказались от меня, когда я поступила в Божественный колледж.

– Ты можешь работать со мной, – предложила Лекса, бросив вопросительный взгляд на Персефону.

– Я спрошу у Аида, – пообещала Персефона. – Уверена, им нужна помощь в фонде.

– И ты можешь жить у нас, – добавила Лекса. – Пока не встанешь на ноги.

Сивилла ответила скептическим взглядом:

– Я не хочу создавать неудобства.

Лекса фыркнула:

– Ты не создашь для нас неудобства. Составишь мне компанию, пока Персефона в подземном царстве. Черт, да ты, наверно, можешь даже жить у нее в комнате. Она там все равно почти не ночует.

Персефона притворно толкнула Лексу, и Сивилла рассмеялась:

– Мне не нужна твоя комната.

– Ты действительно можешь устроиться там. Не то чтобы Лекса была неправа...

– Конечно, я права. Если бы это я спала с Аидом, то тоже редко заглядывала бы в свою комнату.

Персефона подняла подушку и ударила ею Лексу.

Зря она это сделала.

Лекса взвизгнула, как сирена, и схватила диванную подушку, резко развернувшись. Персефона увернулась от удара, и вся его сила обрушилась на Сивиллу.

Лекса выронила подушку.

– О, боги, Сивилла, прости...

Но Сивилла тоже взялась за подушку и бросила ее прямо в лицо Лексе.

Вскоре все трое носились друг за другом по гостиной, обрушивая и отражая удары, пока кучей не свалились на диван, задыхаясь и хохоча.

Даже Сивилла наслаждалась моментом, напроочь забыв про последние часы своей жизни. Она вздохнула и произнесла:

– Вот бы все дни были такими счастливыми.

– Они и будут, – сказала Лекса. – Ты ведь теперь живешь с нами.

К тому времени как они разложили подушки по местам, приехала пицца. Доставщик без конца извинялся, объясняя, что в городе пробки из-за протестов.

– Протестов? – переспросила Персефона.

– Безбожники, – ответил он. – Они протестуют против предстоящих Панэллинских игр.

– Ох...

Безбожники были группой смертных, которые отрицали богов и предпочитали справедливость и свободу коленопреклонению и жертвенности. Персефону совсем не удивило, что они вышли протестовать против Игр, но это было немного неожиданно с учетом того, что последние несколько лет о безбожниках ничего не было слышно. Она очень надеялась, что это будет мирный протест без эскалации конфликта – многие люди будут гулять на празднествах, включая Персефону, Лексу и Сивиллу.

Девушки досмотрели фильм и съели пиццу, избегая тем, касающихся Аполлона. Но у себя в голове Персефона все равно пыталась найти возможность помочь Сивилле.

Действия Аполлона были неприемлемы, а разве у нее не было обязательства перед читателями обличать несправедливость? Особенно в том, что касалось богов? И, возможно, если эта история будет достаточно хороша, ей не придется давать эксклюзивное интервью.

Несколько часов спустя Персефона все еще не спала, но не могла сдвинуться с места. Голова Сивиллы лежала у нее на коленях, а Лекса храпела, уснув на диване напротив них.

Сивилла вдруг заерзала и произнесла сонным шепотом:

– Персефона, я хочу, чтобы ты пообещала мне не писать об Аполлоне.

Персефона на мгновение замерла, задержав дыхание.

– Но почему?

– Потому что Аполлон не Аид, – ответила девушка. – Аиду все равно, что думают люди, и он сам решил прислушаться к тебе. Аполлон не такой. Аполлон заботится о своей репутации. Она для него так же важна, как и его музыка.

– Тогда он не должен был наказывать тебя, – мотнула головой Персефона.

Она почувствовала, как ладони Сивиллы сжали одеяло вокруг них.

– Я прошу тебя не вступать с ним в противостояние от моего имени. Пообещай.

Персефона не ответила. Проблема была в том, что Сивилла просила пообещать, а когда бог давал обещание, оно становилось обязательным и нерушимым.

И не имело значения, что Сивилла не знала о божественном происхождении Персефоны.

Богиня весны просто не могла этого сделать.

Спустя мгновение Сивилла подняла глаза и встретилась с ней взглядом.

– Персефона?

– Я не даю обещаний.

Сивилла нахмурилась:

– Я боялась, что именно так ты и скажешь.

Глава IV. Прикосновение предупреждения

Персефона лежала с открытыми глазами, слушая тихий храп Лексы и сиплое дыхание Сивиллы. Было три утра. Ей предстояло встать через четыре часа, но она никак не могла перестать думать обо всем, что случилось. Девушка перебирала все аргументы за и против написания эксклюзивного интервью, которого от нее ждали Деметрий и Кэл. Она решила, что это один из способов проконтролировать информацию, которую ей предстояло выпустить, за исключением того, что ее вынуждали сообщить подробности своей личной жизни. Что еще хуже, они лишили ее выбора, и это бесило богиню больше всего.

Но могла ли она отказаться от работы своей мечты? Она приехала в Новые Афины, стремясь к свободе, успеху и приключениям. Она попробовала все это, и именно тогда, когда ей удалось стряхнуть с себя оковы матери, Персефона оказалась связана новыми путами.

Неужели ей никогда не выйти из этого круга?

А теперь еще и Сивилла.

Персефона не могла позволить, чтобы Аполлону сошло с рук то, как он обошелся с ее подругой. Она не могла понять, почему Сивилла не хотела, чтобы она написала о боге музыки. Он должен был ответить за свое поведение.

Персефона вздохнула. Ее голову переполняли мысли – слова складывались в такие высокие кипы, что давили ей на череп изнутри. Она тихо встала и перенеслась в подземное царство, проскользнув в спальню покои Аида. Если кто-то и мог смягчить давление у нее в голове, то это был бог мертвых.

Она не ожидала обнаружить его спящим. Богиня уже начала было подозревать, что он вообще редко спал, если ее не было рядом. Он лежал, слегка прикрытый шелковыми простынями, и пламя камина очерчивало контуры его мускулистой груди. Руки лежали у него над головой, словно он уснул, потягиваясь. Она протянула руку, чтобы коснуться его лица, но его пальцы неожиданно вцепились ей в запястье.

Персефона вскрикнула – больше от страха, чем от боли. Аид открыл глаза.

– Черт, – выругался он. Моментально сев, он разжал кисть и притянул богиню к себе. – Тебе больно?

Она бы ответила, но он покрыл ее кожу поцелуями, каждый из которых пронизывал ее тело электрическим зарядом.

– Персефона? – Он уставился на нее с мириадами эмоций, сменяющих друг друга у него в глазах. Он словно досадовал сам на себя – его дыхание сбилось, а брови сошлись на переносице.

Она улыбнулась, убрав прядь волос с его лица:

– Я в порядке, Аид. Ты лишь напугал меня.

Он поцеловал ее ладонь и, прижав Персефону к себе еще крепче, снова лег.

– Я не думал, что ты придешь ко мне ночью.

Она положила голову ему на грудь. Он был таким теплым, надежным и правильным.

– Я не могу спать без тебя, – призналась она, осознавая всю нелепость этих слов, и все же это была правда.

Ладони Аида успокаивали ее, скользя по спине вверх и вниз. Они то и дело останавливались, чтобы сжать ее ягодицы. Персефона заерзала на нем, и его член, зажатый между ними, отвердел.

– Это потому, что я не даю тебе уснуть допоздна.

Она села, оседлав его, и переплела его пальцы со своими.

– Не все завязано на сексе, Аид.

– Никто ничего и не говорил о сексе, Персефона, – ответил он.

Она приподняла бровь и качнула бедрами:

– Мне не нужны слова, чтобы понять, когда ты думаешь о сексе.

Он хохотнул, и его ладони легли ей на грудь. У нее перехватило дыхание, и ее пальцы обхватили его запястья, подобно наручникам.

– Я хочу поговорить, Аид.

Он изогнул идеальную бровь:

– Говори. Я многозадачный... или ты забыла?

Он приподнялся, сев, и обхватил зубами ее сосок, прикусив через футболку. Персефоне хотелось отдаться ему, позволить ему исследовать свое тело. Ее руки – предательские руки – обвились его шею и погрузились в его волосы. От него пахло теплыми пряностями, и она почти почувствовала вкус его языка и аромат виски на нем.

– Не думаю, что тебе удастся быть многозадачным на этот раз. Я знаю этот взгляд.

Аид отстранился – но лишь для того, чтобы спросить:

– Какой взгляд?

Персефона обхватила его голову обеими ладонями. Тем самым она собиралась не дать ему отвлечь ее своим ртом, но его руки скользнули ей под футболку, и по ее телу побежали мурашки.

– Вот этот *взгляд*, – ответила она, словно это все объясняло. – Тот, что у тебя сейчас. Твои глаза темны, но за ними... скрыто что-то живое. Иногда мне кажется, что это страсть, иногда – что жестокость. Иногда мне кажется, что это вся твоя жизнь.

Он сверкнул глазами и опустил руки ей на бедра.

– Аид, – выдохнула она его имя, и он накрыл ее губы своими, придвинув ее так, чтобы она оказалась под ним. Его язык скользнул ей в рот. Она была права насчет его вкуса – дымного и сладкого. Богине захотелось почувствовать больше, и она обвила руками его плечи, а ногами – талию. Его губы скользнули вниз, чтобы пройти по контуру ее шеи и груди.

Персефона крепче обхватила ногами его талию, чтобы не дать ему спуститься еще ниже.

– Аид, – выдохнула она. – Я сказала, что хочу поговорить.

– Говори, – повторил он.

– Об Аполлоне.

Аид замер и зарычал – от этого неестественного звука у нее по спине пробежала дрожь. Он отстранился, больше не касаясь ее.

– Скажи, почему у тебя на губах имя моего племянника?

– Он мой новый проект.

Аид моргнул, и она увидела в его глазах жестокость.

Персефона поспешно продолжила:

– Он уволил Сивиллу, Аид. За то, что она отказалась стать его любовницей.

Он уставился на нее, и в его молчании явно читался гнев. Его губы были сжаты, а на лбу пульсировала вена. Он встал с кровати полностью обнаженный. Несколько мгновений она просто смотрела, как он уходит, – на его накачанную задницу и все остальное.

– Куда ты? – поинтересовалась она.

– Я не могу оставаться в нашей постели, пока ты говоришь об Аполлоне.

От нее не ускользнуло, что он назвал свою постель «нашей постелью». От этого у нее потеплело в груди, вот только она все испортила, упомянув Аполлона.

Богиня поспешила за ним.

– Я заговорила о нем только потому, что хочу помочь Сивилле!

Аид налил себе виски.

– То, что он делает, неправильно, Аид. Аполлон не может наказывать Сивиллу только за то, что она ему отказала.

– Очевидно, может, – ответил Аид, медленно отпив из бокала.

– Он лишил ее возможности зарабатывать на жизнь! У нее ничего нет и не будет, если не разоблачить Аполлона!

Аид осушил бокал и налил еще. После затянувшейся напряженной паузы он произнес:

– Тебе нельзя писать об Аполлоне, Персефона.

– Я уже говорила тебе – ты не можешь указывать мне, о ком писать, Аид.

Бог подземного царства с глухим стуком поставил бокал на стол.

– Тогда тебе не стоило рассказывать мне о своих планах.

Она догадывалась, какой будет его следующая мысль: «А еще тебе не стоило упоминать Аполлона в моей спальне».

Его слова разожгли в ней гнев, и она почувствовала, как сила пришла в движение у нее в венах.

– Это не сойдет ему с рук, Аид!

Она не стала добавлять, что ей очень нужна была эта история – что она послужит отвлекающим маневром для ее начальника. Аид, должно быть, почувствовал перемену в ее силе, потому что когда он снова заговорил, его слова звучали взвешенно и спокойно:

– Я не говорю, что я не согласен с тобой, но ты не можешь бороться за справедливость в одиночку, Персефона.

– Кто, если не я? Больше никто не желает бросать ему вызов. Народ его обожает.

Она не понимала, как они могли любить Аполлона и бояться Аида.

– Тем больше причин для тебя сначала обдумать стратегию, – продолжал убеждать Аид. – Есть другие способы добиться справедливости.

Персефона не была уверена, что ей нравилось то, на что намекал Аид.

Она окинула его сердитым взглядом:

– Чего ты так боишься? Я написала о тебе, и посмотри, сколько всего хорошего из этого вышло.

– Я здравомыслящий бог, – ответил он. – Не говоря уже о том, что я увлекся тобой. Я не хочу, чтобы тобой увлекся и Аполлон.

Персефоне было все равно, увлечется ею Аполлон или нет – бог музыки не смог бы ее добиться.

– Ты знаешь, что я буду осторожна, – сказала она. – Кроме того, неужели ты думаешь, что Аполлон осмелится связаться с той, что принадлежит тебе?

Аид поджал губы и протянул ей руку.

– Иди сюда, – он сел на кресло перед камином.

Она подчинилась, словно его слова были магнитом, а она – сталью. На ее пальцах сомкнулись пальцы Аида, и он усадил ее на себя так, что ее колени оказались по бокам от его бедер. Изгибы ее тела слились с его крепким туловищем. Она смотрела в его темные глаза, пока он говорил:

– Ты не понимаешь смысла божественности. Я не смогу защитить тебя от другого бога. Если ты вступишь с кем-то в противостояние, тебе придется победить самой.

Уверенность Персефоны пошатнулась. Существовало множество правил, связывающих богов – обещания, контракты, услуги, – и все они имели кое-что общее.

Они были нерушимы.

– Ты говоришь, что не вступишь за меня?

Аид вздохнул и провел пальцем по ее щеке:

– Дорогая, ради тебя я бы спалил весь этот мир.

Бог поцеловал ее так неистово и безжалостно, что у нее заныли губы. Лишив ее способности дышать, он отстранился, и его ладони так крепко прижались к ее коже, что он словно схватил ее за кости.

– Умоляю тебя – не пиши о боге музыки.

Персефона обнаружила, что кивает, замороженная таким ранимым взглядом темных глаз Аида. Он не доходил до такой степени отчаяния, даже когда пытался запретить ей писать о себе.

– А как же Сивилла? – произнесла она. – Если я не разоблачу его, кто ей поможет?

Взгляд Аида смягчился:

– Ты не можешь спасти всех, моя дорогая.

– Я не пытаюсь спасти всех – только тех, кто пострадал от богов.

Аид всмотрелся в нее долгим взглядом, а потом убрал с ее лица прядь волос:

– Этот мир тебя не заслуживает.

– Заслуживает, – ответила она. – Все заслуживают сострадания, Аид. Даже в смерти.

– Но ты говоришь не о сострадании. – Он провел большим пальцем по ее щеке. – Ты надеешься спасти смертных от наказания богов. Это так же несбыточно, как обещать вернуть мертвых к жизни.

– Только потому, что ты так считаешь, – возразила она.

Аид отвел взгляд, стиснув челюсти. Персефона явно задела чувствительную струну. От осознания вины у нее все внутри перевернулось. Она знала, что поступила нечестно. В подземном царстве были свои правила и равновесие сил, которые она не совсем понимала.

Она задела его, сама того не желая, но ей так хотелось все изменить. Богиня потянулась к нему, чтобы он снова взглянул на нее.

– Я не буду писать об Аполлоне, – сказала она.

Он слегка расслабился, но выражение его лица по-прежнему было непроницаемым.

– Я знаю, что ты стремишься к справедливости, но, прошу, поверь мне на слово.

– Я тебе верю.

Его лицо ничего не выражало, и у Персефоны сложилось впечатление, что он ей не поверил. Эта мысль ускользнула от нее, когда Аид поднял ее на руки, глядя в глаза, и пошел обратно к постели.

Он усадил ее на край, помог раздеться и уложил на спину. Сам он встал на колени у нее между ног, и его губы медленно спустились вниз и накрыли напряженный комочек нервов в центре между ее бедрами. Персефона изогнулась над кроватью, оперевшись головой в матрас и погрузив руки в море простыней вокруг. Ее дыхание сбилось.

– Аид!

Ее вскрики, казалось, не произвели на него никакого впечатления, потому что он продолжил свои томные, мучительные ласки. Вскоре его пальцы раздвинули ее горячую плоть, присоединившись к языку. Он поглаживал и растягивал ее, двигаясь в одном ритме с ее дыханием, пока она не достигла вершины.

Закончив, он приподнялся, поднес свои пальцы к губам и облизал их.

– Твой вкус – мой любимый, – произнес он. – Я мог бы пить тебя весь день.

Аид обхватил ее за бедра и подтянул к себе, войдя в нее одним быстрым толчком. Она чувствовала его в своем теле и в своей душе.

Он ритмично задвигался внутри нее, и вскоре ее стоны превратились во вскрики.

– Назови мое имя, – прорычал Аид.

Персефона вцепилась пальцами в шелк. Простыни прилипли к ее коже, потому что все ее тело покрылось каплями пота.

– Назови!

– Аид! – выдохнула она.

– Еще.

– Аид.

– Проси, – приказал он. – Умоляй меня довести тебя до экстаза.

– Аид, – она едва могла дышать и составлять слова. – Пожалуйста.

Толчок.

– Пожалуйста, что?

Толчок.

– Доведи меня до экстаза.

Толчок.

– Ну, давай же! – закричала она.

Они вместе достигли оргазма, и Аид рухнул на нее и впился в ее губы глубоким поцелуем – с ее вкусом на его губах. Спустя мгновение он поднял ее и перенес в купальни, где они приняли душ и снова преклонились друг перед другом.

Персефоне оставалось спать всего час до подъема, когда она наконец легла в постель. Аид вытянулся рядом, прижимая ее к себе.

– Персефона, – произнес Аид, щекоча своей бородкой ее ухо.

– Мм? – она слишком устала, чтобы пользоваться словами, ее веки уже были тяжелы от сна.

– Еще раз произнесешь чужое имя в этой постели – будь уверена, я отправлю его душу в Тартар.

Она открыла глаза. Ей захотелось взглянуть его, увидеть буйство в его взгляде и последовать за ним – *почему это так сильно его разозлило?* Неужели он, бог подземного царства, богач, собиратель душ, боялся Аполлона?

После своего предупреждения Аид расслабился, его дыхание стало ровным и спокойным. Не желая нарушать этот покой, она прижалась к нему и уснула.

Глава V. Царский прием

На следующий день за ланчем Персефона пересказала разговор с Аидом Лексе. Они выбрали кабинку в задней части их любимого кафе, «Желтого нарцисса», обеспечившую им относительное уединение. Несмотря на гудение ресторана, Персефона до паранойи боялась говорить об Аиде на публике. Она наклонилась над столиком к Лексе и прошептала:

– Я никогда еще не видела его таким...

Непреклонным. Неуступчивым. Обычно он, по крайней мере, готов был ее выслушать, но стоило лишь имени Аполлона слететь с ее губ, как Аид решил прекратить этот разговор.

– Аид в общем-то прав, – сказала Лекса, откинувшись в своем кресле и скрестив ноги.

Персефона взглянула на свою лучшую подругу, удивленная, что та поддержала бога мертвых.

– Я имею в виду, ты и правда думаешь, что можешь просто так взять и покуситься на репутацию Аполлона? Он же золотой мальчик Новых Афин.

– Честь, которой он не заслужил с учетом того, как он относится к мужчинам и женщинам, которых «любит».

– Но... что, если люди тебе не поверят, Персефона?

– Я не могу беспокоиться о том, поверят мне люди или нет, Лекс.

Мысль о том, что на жертв Аполлона не обратят никакого внимания из-за его популярности, приводила ее в ярость, но еще больше ее бесило то, что она знала – Лекса права. Существовала вероятность, что ей никто не поверит.

– Я знаю. Я просто говорю... что все может пойти не так, как ты думаешь.

Персефона нахмурилась, смущенная словами подруги:

– И что же я думаю?

Лекса скрестила пальцы на столе перед собой и пожала плечами, наконец подняв глаза на Персефону. Ее глаза сегодня казались еще ярче – возможно, из-за дымчатых теней, которыми она накрасилась.

– Не знаю. В смысле, ты буквально надеешься урезонить бога, который не приемлет отказа. Ты словно думаешь, что волшебным образом изменишь поведение Аполлона с помощью нескольких слов.

Персефона подалась назад и вдруг заметила, что взгляд Лексы сместился на ее плечо. Боковым зрением она увидела что-то зеленое и повернула голову. Из-под ее кожи пробивались зеленые стебли. Персефона придавила их ладонью. Ее магия еще никогда не откликалась на эмоции таким образом. Она вырвала стебли, и плечо пронзила острая боль – по руке потекла кровь.

– О боги! – Лекса сунула ей охапку салфеток, и Персефона прижала их к плечу. – Ты в порядке?

– Все нормально.

– Такое уже случилось?

– Нет, – ответила богиня. Она убрала салфетки, чтобы взглянуть на рану, оставленную стеблями. Разрез был маленьким, словно она оцарапалась шипом, а кровотечение почти остановилось.

Ей было крайне необходимо продолжить уроки с Гекатой.

– Это что-то божественное? – уточнила Лекса.

– Не знаю.

Она никогда не видела, чтобы таким образом проявлялись силы ее матери – как и силы Аида. Может, это был еще один пример, как плохо она справлялась с ролью богини.

– Ты расскажешь об этом Аиду?

Этот вопрос удивил Персефону.

– Зачем мне ему рассказывать?

Та принялась перечислять причины:

– Потому что такого еще никогда не случалось, потому что тебе больно, потому что это может быть как-то связано с тем, что ты богиня весны?

– Или это ерунда, – быстро ответила Персефона. – Не волнуйся об этом, Лекс.

Несколько мгновений тишины разделили подруг, а потом Лекса протянула руку над столиком, чтобы привлечь внимание Персефоны:

– Ты ведь знаешь, что я просто волнуюсь за тебя, правда?

Богиня весны вздохнула:

– Знаю. Спасибо.

Между ними снова повисла тишина, и Лекса пожала плечами:

– Думаю, на самом деле это все уже не важно. Ты ведь уже пообещала Аиду, что не будешь писать об Аполлоне... правда?

Персефона не подняла глаз, избегая взгляда подруги.

– Персефона...

– А как же Сивилла? Мы просто позволим ей и дальше страдать? – спросила Персефона.

– Нет, мы будем поддерживать ее как подруги, – ответила Лекса.

– И это значит, что я должна сделать все, что в моих силах, чтобы изобличить Аполлона.

– Это значит, что ты должна делать то, о чем тебя просила Сивилла.

Персефона поморщилась. Сивилла хотела, чтобы Персефона отпустила ситуацию, но молчание было частью самой проблемы. Сколько людей уже пострадало от рук Аполлона и промолчало об этом?

– Все боги заиклены на мести? – Лекса выдала эту фразу не задумываясь, словно задавая риторический вопрос, но Персефоне ее реплика пришлось не по нраву.

– Что ты имеешь в виду?

Лекса пожала плечами:

– Вы все хотите *наказывать*. Аполлон хочет наказывать своих любовников и любовниц, поэтому ты хочешь наказать его, и он наверняка за это накажет тебя. Это безумие.

– Я не хочу его наказывать, – обороняясь, ответила Персефона.

Лекса приподняла бровь.

– Я не хочу! Я хочу рассказать людям, что ему нельзя доверять.

– Так же, как хотела рассказать людям, что нельзя доверять Аиду?

– Это другое.

Персефона действительно начала серию статей об Аиде, намереваясь изобличить его бесчестные сделки со смертными. Тем не менее спустя некоторое время она узнала, что его намерения были намного более благородными, чем она изначально полагала.

Лекса вздохнула:

– Возможно, но разве не об этом сказал тебе Аид? Аполлон наказывает не задумываясь.

Персефона в раздражении отвела взгляд, и вытянутая рука Лексы легла на ее собственную.

– Я просто хочу, чтобы ты была осторожна. Я знаю, что Аид защитит тебя, насколько сможет, но я также знаю, как трудно тебе просить о помощи.

Персефона выдавила натянутую улыбку. Она знала, что Лекса беспокоится о ней, но она не знала всей истории. Богиня до сих пор не рассказала подруге об ультиматуме, который выставил ее босс. Она будто снова вступила в сделку с Аидом, оказавшись под угрозой потерять две самые важные для нее вещи. Наверное, если бы она объяснила, Лекса бы поняла, но стоило лишь ей заговорить, как их прервали:

– Вы же подружка Аида, да?

Голос ошарашил их, и Персефона поморщилась от вопроса. Рядом с их столиком возникла девушка. На ней были длинная рубашка, брюки и ботинки. В одной руке она держала наготове телефон, а другой стянула резинку, что удерживала ее волосы в тугом узле.

– Можно мне сделать фото? – Девушка взбила волосы и пригладила их над плечами.

– Простите, нет, – ответила Персефона. – У меня ланч.

– Да это всего лишь секунда, – девушка наклонилась к ней, чтобы сделать селфи, и включила камеру.

Персефона отодвинулась, выставив вперед руки, чтобы отгородиться от девушки.

– Я сказала «нет».

– Всего одну, – попробовала поторговаться девушка.

– Что вам непонятно в слове «нет»? – гневно спросила Персефона.

Девушка выпрямилась и моргнула.

А потом сощурила глаза:

– Необязательно быть такой стервой. Это всего лишь фото.

Девушка подняла телефон и сфотографировала ее. Ее злобный выпад привлек внимание, и, наблюдая, как она уходит, Персефона заметила, как несколько других посетителей наставили на нее свои телефоны. Она прикрыла лицо рукой.

Лекса наклонилась над столиком:

– А вот сейчас самое удачное время использовать твои силы против подлости.

– Разве не ты только что критиковала меня, что я пользуюсь своей магией для наказаний?

– Да, но... она-то заслужила. Та еще дрянь.

– Думаю, нам пора уходить. – Персефона потянулась за сумочкой.

Они оставили деньги на столике, чтобы оплатить счет. Лекса взяла Персефону под локоть, когда они выходили из кафе. Тротуары были заполнены работниками, возвращающимися в офисы, туристами и уличными торговцами. День был жарким, но облачным, и в воздухе пахло жареными каштанами, сигаретами и кофе.

– У тебя есть время зайти к нам в офис? – спросила Лекса. – Я бы устроила тебе экскурсию и рассказала о проекте, над которым работаю!

Персефона взглянула на часы. У нее оставалось еще полчаса до возвращения в Акрополь.

– С удовольствием послушаю.

Ей хотелось посмотреть, где работает Лекса, и, по правде говоря, изучить обстановку. Ей было немного неловко, когда Лекса перечисляла факты о проекте «Алкион», о которых она ничего не знала.

Лекса работала в Александрийской башне. Здание находилось напротив «Неночи» и имело фасад из стекла и белого мрамора. Лекса открыла для Персефоны дверь. Как и в любом другом месте, принадлежавшем Аиду, интерьер здесь был роскошен. Полы из мрамора с прожилками, стойка ресепшена из черного обсидиана, темная мебель с золотой отделкой. Персефона почувствовала себя как дома.

Нимфа за стойкой сразу же встала. Как и все из ее вида, она была прекрасна – с заостренными чертами лица и большими глазами. Это была лесная нимфа, дриада, – об этом говорили ее волосы цвета миндаля, болотный оттенок глаз и слегка зеленоватый тон кожи. Персефона провела в окружении этих нимф большую часть своей жизни, пока росла в оранжерее. Она никогда прежде об этом не задумывалась, но теперь задалась вопросом, не были ли они пленницами ее матери, как и она сама.

– Леди Персефона, – кивнула женщина за стойкой. – Для нас честь принимать вас здесь.

Лекса хихикнула, а Персефона покраснела.

– Я привела Персефону на экскурсию, Айви.

У дриады округлились глаза, и у Персефоны сложилось впечатление, что той не нравятся сюрпризы.

– Ох, конечно же, леди Персефона. Для начала... могу ли я вам что-нибудь предложить? Бокал шампанского или вина, возможно?

– О нет, спасибо, Айви. Мне нужно потом вернуться на работу.

– Позвольте мне сделать пару звонков. Я хочу, чтобы все было идеально, когда вы подниметесь.

– Да все в порядке, Айви, – произнесла Лекса с игривым смешком. – Персефоне все равно.

Дриада побледнела. Всего несколько месяцев назад от такого поведения Персефоне стало бы неловко. Ее и сейчас это слегка взволновало, но она поняла, что служащие Аида просто хотели ей угодить, и Персефона решила ей не мешать.

– Мы подождем, Айви, – сказала Персефона. – И я бы не отказалась от стакана воды.

Дриада улыбнулась:

– Сейчас принесу, миледи.

Персефона отошла от стойки и оглядела комнату. Ей нравилось это здание. Оно не было современным, как «Неночь», и имело множество античных акцентов – например, стеклянные дверные ручки, золотые каминные решетки и батареи. Торжественно оформленная зона отдыха располагалась возле больших окон, выходящих на улицу. Персефона остановилась перед ними, наслаждаясь оживленным городским пейзажем.

– Я не думала, что ты страдаешь от жажды. – Лекса встала рядом с ней у окна.

Персефона улыбнулась:

– Воды никогда не бывает слишком много.

– Ну правда, что это было? Я могла бы провести тебе экскурсию без всего этого.

Богиня вздохнула:

– Побывав в подземном царстве, я усвоила несколько новых для себя вещей, Лекса. Ты видишь во мне лучшую подругу, так что для тебя привести меня сюда – всего лишь забава, но эти люди... они смотрят на меня по-другому.

– Ты хочешь сказать, они смотрят на тебя как на царицу подземного царства?

Персефона пожала плечами. Для обитателей подземного царства все именно так и было.

– Они служат Аиду, и как бы сильно я ни возражала, кажется, они думают, что служат и мне тоже.

«Наверняка еще и потому, что им так было приказано», – подумала она.

– Они рады возможности услужить. И чем больше я с этим борюсь, тем больше их обижаю, как мне кажется.

– Хм-м, – промычала Лекса спустя мгновение. Взглянув на подругу, Персефона обнаружила, что та хитро улыбается.

– Что? – скептически спросила Персефона.

– Да ничего, царица Персефона.

Персефона закатила глаза, и Лекса рассмеялась, отвернувшись от окна.

Айви прервала их разговор, вернувшись с серебряным подносом, на котором стояло два стакана воды.

– Сегодня с ароматом огурца и имбиря.

Персефона взяла стакан и салфетку. Она знала, что дриаде страстно хочется узнать, понравится ли ей напиток, так что она сразу же сделала глоток.

– Очень освежает. Спасибо, Айви.

Нимфа просияла и подала Лексе второй стакан. После этого нимфа снова исчезла, а вернувшись, по-прежнему улыбалась, словно была в приподнятом настроении.

– Они готовы принять вас, леди Персефона, Лекса.

У Персефоны внутри вдруг стянулся узел. Она отлично справилась с диалогом с Айви, но сможет ли она поддерживать этот стиль общения, разговаривая сразу с несколькими собеседниками?

– Наконец-то! – бесцеремонно воскликнула Лекса.

Когда они поднимались по лестнице на второй этаж, Персефона повернулась к Айви:

– Спасибо, Айви. Я очень тебе признательна.

Она отвернулась, не успев оценить реакцию нимфы, и последовала за Лексой.

То, что они увидели, заставило их резко остановиться. По обеим сторонам коридора выстроились работники, которые вышли из своих стеклянных офисов, чтобы поприветствовать Персефону. А еще там был мужчина, фотографировавший их.

– Леди Персефона, какая честь, – к ним подошла женщина. Она была смертной с короной из черных кудрей. Она пожала Персефоне руку:

– Я Катерина, директор фонда «Кипарис».

– Рада с вами познакомиться, – кивнула Персефона.

– Пожалуйста, позвольте мне немного рассказать вам о наших успехах. Уверена, они вас порадуют.

Персефона и Лекса обменялись взглядами. Подруга поджала губы, стиснув челюсти. Она совсем не так себе все представляла, когда предложила экскурсию. Персефона попыталась отогнать внезапное чувство вины, нахлынувшее из-за происходящего вокруг. Лекса хотела лишь показать ей свое новое место работы, и никто из них не ожидал, что все сложится вот так. Лучше бы они пришли сюда позже, через несколько часов.

Катерина сопровождала их, пока они шли, рассказав несколько фактов, которыми уже поделилась Лекса. Было очевидно, что у нее имелась мини-презентация для подобных случаев.

– Мы все пришли в такой восторг, когда было объявлено о проекте «Алкион», – произнесла Катерина. – Мы уже работали вместе с лордом Аидом над несколькими инициативами, но ни одна из них не была похожа на этот проект.

– Были и другие проекты? – удивилась Персефона. Это стало для нее новостью.

Катерина улыбнулась. Казалось, она искренне обрадовалась возможности поговорить с Персефой о том, о чем та не знала.

– Проект «Алкион» – лишь одна из многих инициатив фонда «Кипарис».

– Расскажите мне поподробнее.

– Ну, например, у нас есть «Дом Цербера» – некоммерческая организация для животных. Она открыла четырнадцать приютов для животных без усыпления и платит вознаграждения за пристроенных животных. Мы с нетерпением ждем открытия пятнадцатого приюта в Аргосе. Также у нас есть проект «Тихая гавань», который помогает семьям оплачивать похороны и погребение. На сегодняшний день мы уже помогли более чем трем сотням семей, оказавшимся в нужде.

Персефона молчала, и женщина продолжила:

– Дольше всего существует благотворительный проект лорда Аида – «Экипаж». Этот фонд тренирует собак-терапевтов для детей.

Персефона сглотнула ком в горле:

– Эт-то... потрясающе.

Ее охватила буря эмоций. Персефона была ошарашена тем, что Аид основал столько чудесных организаций, но ее ужаснуло и расстроило, что она ничего о них не знала. Почему он не рассказал ей? Почему она не наткнулась ни на одну из них, пока вела свое расследование о боге мертвых?

Боги, она теперь казалась самой себе таким ничтожеством, ведь она написала о нем столько *клеветы*. Возможно, поэтому все эти многочисленные люди страстно желали рассказать ей обо всех его достижениях – чтобы доказать, как она была неправа.

Будь проклята его скромность.

Экскурсия продолжалась еще некоторое время, и Персефоне представили нескольких людей. Она познакомилась с теми, кто стоял за благотворительными инициативами Аида. Под конец Катерина повернулась и произнесла:

– Если у вас больше нет вопросов, я буду счастлива сопроводить вас вниз, миледи.

А как насчет офиса Аида?

К счастью, вмешалась Лекса:

– Дальше я сама, Катерина. Нам с Персефой надо доработать кое-какие планы.

– О...

– Спасибо вам огромное, Катерина, – произнесла Персефона, опередив возражения женщины. – Я буду рада рассказать Аиду, как чудесно вы меня встретили.

Это сработало как заклинание. Катерина улыбнулась и сконфуженно выдала:

– Большое спасибо, леди Персефона.

Когда они остались наедине, Лекса наклонилась к Персефоне:

– Хочешь взглянуть на офис Аида?

– Еще бы.

Они захихикали, как школьницы, и Лекса повела ее наверх по еще одному пролету лестницы. Весь этот этаж был отдан под офисное пространство. Персефона с Лексой миновали череду кабинок и оказались перед рядом офисов в задней части здания.

– А вот и он! – Лекса указала на кабинет и развела руки в сторону, войдя внутрь.

Это была стеклянная коробка.

Персефона замешкалась у двери. Кабинет напомнил ей дом матери, и на мгновение у нее появилось странное чувство, что это тщательно спланированная ловушка. Стол Аида стоял перед витражным окном, и когда он сидел за столом, со стороны наверняка казалось, будто он сидит на троне. Это выглядело чересчур грандиозно, и она готова была поспорить на деньги, что он пользовался этим столом даже реже, чем в своем офисе в «Неночи».

Она вошла внутрь, и в тот же момент кто-то позвал Лексу.

– Черт. – Она бросила взгляд на Персефону. – Я сейчас вернусь.

Персефона кивнула, и ее подруга скрылась из виду. Взгляд богини упал на стол Аида. На нем было лишь два предмета: ваза с нарциссами и ее фотография. Снимок был сделан в подземном царстве, в одном из садов Аида. Она взяла в руки фотографию, задавшись вопросом, когда он ее снял.

– Любопытствуешь?

Персефона вздрогнула, выронив рамку со снимком. Не дав фотографии упасть на пол, Аид поймал ее и вернул на место. Богиня повернулась к нему, ухватившись рукой за стол.

«Как с таким весом можно так быстро двигаться», – подумала она. Он был так близко, что его запах накрыл ее с головой, и она вспомнила прошлую ночь, когда он уложил ее в свою постель, предъявил на нее свои права, оставил на ней свою метку, овладел ею. Она не ожидала, что простой разговор об Аполлоне приведет его в такое бешенство.

– И давно ты здесь? – выдохнула она.

Одной из способностей Аида была невидимость. Вероятно, он был в офисе все это время, а может, даже следовал за ними во время экскурсии, оставшись незамеченным.

– Ты всегда такая подозрительная, – сказал он.

– Аид... – предупреждающе произнесла она.

– Недавно, – ответил он. – Я получил звонок от Айви – она отчитала меня, ведь я не сказал ей, что ты к нам заглянешь.

Сначала Персефоне захотелось рассмеяться над тем, что одна из подчиненных Аида устроила ему выговор, но потом ее внимание отвлек тот факт, что Айви *позвонила* Аиду.

Ее брови сошлись на переносице.

- У тебя есть телефон?
- Да, для работы.
- А почему я об этом не знала?

Он пожал плечами:

- Если я захочу к тебе, то найду тебя.
- А если я захочу к тебе?
- Тогда тебе нужно лишь произнести мое имя.

И все же Персефоне это не казалось достаточной причиной, чтобы не знать, что у него есть телефон... как и для миллиона других вещей, которых она не знала о своем любовнике.

- Ты недовольна, – сказал Аид, и это был не вопрос.

Персефона снова подняла на него взгляд.

- Ты поставил меня в неловкое положение.

Пришел черед Аида нахмуриться. Но его взгляд быстро смягчился.

- Поясни.

– Я не должна узнавать обо всех твоих благотворительных проектах от кого-то еще, – произнесла она. – У меня такое ощущение, что все вокруг знают о тебе больше меня.

- Ты никогда не спрашивала, – ответил он.

– О некоторых вещах можно говорить как бы невзначай, Аид. За ужином, например: «Привет, дорогая. Как прошел твой день? Мой – отлично, ведь мои благотворительные организации помогают миллиардами долларов детям, собакам и всему *человечеству!*»

Аид приложил все усилия, чтобы не заулыбаться.

– Не смей, – она прижала палец к его губам. – Я говорю серьезно. Если ты хочешь, чтобы на меня смотрели не просто как на твою любовницу, мне нужно больше знать о тебе. Историю... описание твоей жизни. Хоть *что-то*.

Глаза Аида потемнели, он сомкнул пальцы на запястье Персефоны. Поцеловал ее пальцы.

– Прости, – произнес он. – Мне просто не приходило в голову, что нужно тебе это рассказать. Я так долго существую сам по себе, сам принимаю каждое решение. Я не привык ни с кем ничем делиться.

На лице Персефоны отразилась нежность, и она прижала ладонь к его лицу.

– Аид, ты никогда не был одинок, и уж точно ты не один сейчас. – Она убрала руку. – А теперь скажи, чем еще ты владеешь?

- Множеством моргов, – ответил он.

У Персефоны округлились глаза.

- Ты серьезно?

- Ну, я же бог мертвых.

Она не сдержала улыбки. Несколько мгновений они просто смотрели друг другу в глаза, а потом Аид произнес глубоким страстным голосом:

- Скажи, чем мне еще с тобой поделиться?

Персефона взглянула на фотографию у него на столе:

- Откуда ты ее взял?

Он проследил за ее взглядом, но богиня поняла, что это не из-за того, что ему нужно было понять, о чем речь. Он обдумывал ответ.

- Я сам ее снял.

- Когда?

- Очевидно, когда ты не видела, – ответил он, и она закатила глаза.

- Почему у тебя есть мои фотографии, а у меня твоих нет?

Его глаза сверкнули.

- Я не знал, что тебе нужны мои фотографии.

Богиня фыркнула:

– Конечно, мне нужны твои фотографии.

– Возможно, я смогу сделать тебе одолжение. Какие фотографии ты хочешь?

Она шлепнула его по плечу.

– Какой же ты ненасытный!

– В этом ты можешь винить только себя, моя царица. – Он скользнул губами по ее шее и плечу. – Я рад, что ты здесь.

– А так не скажешь, – ответила она, поежившись.

– Я мечтал удовлетворить тебя в этой комнате, на этом столе, с тех пор, как встретил тебя. Это было бы самым продуктивным из всего, что здесь происходит.

Его слова были подобны языкам пламени, и они разожгли в ней огонь. Она тяжело сглотнула.

– У тебя тут стеклянные стены, Аид.

– Думаешь, это меня остановит?

Персефона прищурилась и поддразнила его:

– Ты что, эксгибиционист?

– Едва ли. – Он придвинулся еще ближе, и богиня ощутила его дыхание на своих губах. – Ты и правда думаешь, что я позволю им увидеть тебя? Я слишком эгоистичен. Дым и зеркала, Персефона.

Его жар притянул ее.

– Тогда возьми меня, – прошептала она.

Аид зарычал и обхватил ее за талию, когда кто-то вдруг прокашлялся позади. Они обернулись и увидели стоящую в дверном проеме Лексу.

– Привет, Аид, – произнесла она с улыбкой на лице. – Надеюсь, вы не будете возражать. Я привела Персефону на экскурсию.

– Привет, Лекса, – он ухмыльнулся. – Нет, я совсем не возражаю.

Персефона издала тихий смешок и покинула тепло Аида.

– Мне пора возвращаться на работу, – сказала она Лексе, подходя к двери офиса Аида. Она повернулась, чтобы взглянуть на него. Он был воплощением самой власти, стоя позади стола, где его силуэт обрамляло прекрасное стекло. – Увидимся вечером?

Он кивнул.

Когда они вернулись на первый этаж, Лекса сказала:

– Я знаю, что в пятницу ты спускаешься в подземное царство на все выходные, но не забудь, что в эту пятницу мы должны помочь Сивилле с переездом.

– Я не пропущу это ни за что на свете, – ответила Персефона.

Они обнялись у двери.

– Спасибо за все, Лекс. Прости, что тебе не удалось самой провести мне экскурсию.

– Не буду врать, было странно видеть, как все эти люди из кожи вон лезли в твоём присутствии.

Они обе рассмеялись. Это было странно даже для Персефоны, но потом Лекса сказала то, от чего у Персефоны кровь застыла в жилах.

– Представь, что будет, когда они узнают, что ты богиня.

Обратно в Акрополь Персефона пошла пешком. На этот раз она нехотя протиснулась ко входу через толпу визжащих фанатов, сдерживаемую временным барьером, который выставила охрана.

– Персефона! Персефона, посмотри сюда!

– Как давно ты встречаешься с Аидом?

– Ты будешь писать о других богах?

Она опустила голову и не стала отвечать на вопросы. К тому времени, как она оказалась внутри, все ее тело вибрировало, и от всплеска волнения, который она ощутила, оказавшись

в центре толпы, пробудилась ее магия. Она направилась напрямик к лифтам, все это время обдумывая последние слова Лексы в Александрийской башне.

«Представь, что будет, когда они узнают, что ты богиня».

Она знала, что это значит на самом деле:

«Представь, что ты больше не сможешь жить так, как жила прежде».

Лифт вдруг стал казаться ей слишком тесным, и когда она уже подумала, что не может сделать вдох, двери открылись. Елена выскочила из-за стойки, улыбаясь и не замечая внутренней борьбы Персефона.

– С возвращением, Персефона.

– Спасибо, Елена, – она едва взглянула на девушку. Несмотря на это, Елена последовала за Персефой к ее столу. Положив свои вещи, богиня обнаружила на ноутбуке белую розу. Персефона подняла ее, стараясь не касаться шипов.

– А это еще откуда? – спросила она.

– Не знаю. – Елена нахмурилась. – Я ничего не принимала для вас сегодня утром.

Персефона сдвинула брови. Стебель был перевязан красной лентой, но карточки не было. «Может, это Аид оставил ее здесь для меня», – успокоила она себя и отложила розу в сторону.

– Для меня есть сообщения?

Персефона решила, что именно поэтому Елена сопровождала ее к столу.

– Нет, – ответила Елена.

Это было маловероятно. Персефона ждала.

– Они подождут, – добавила Елена. – Кроме того, они все о наводках для других историй, а вы, как я знаю, работаете над эксклюзивом...

По-видимому, глаза Персефоны сверкнули, потому что Елена прервала свою речь.

– Откуда ты знаешь? – тон голоса Персефоны резко похолодел.

– Я...

Она никогда прежде не слышала, чтобы Елена так запинаясь, но девушка вдруг словно лишилась дара речи, и на глазах у нее появились слезы.

– Кто еще знает? – спросила Персефона.

– Н-никто, – наконец выдавила Елена. – Я случайно подслушала. Простите. Я подумала, это так захватывающе. Я не понимала...

– Если бы ты подслушала, ты бы знала, что в этом нет ничего захватывающего. Не для меня.

Наступила тишина, и Персефона взглянула на Елену.

– Простите, Персефона.

Она вздохнула и села на кресло:

– Все в порядке, Елена. Просто... не говори никому, ладно? Его... может, и не будет.

Она очень на это надеялась.

Во взгляде Елены появилась паника. Значит, она услышала намного больше, чем хочет показать.

– Но... вас же уволят! – неистово прошептала девушка.

Персефона вздохнула:

– Елена, мне правда нужно возвращаться к работе, как и тебе, я думаю.

Елена побледнела:

– Да, конечно. Мне так...

– Прекрати извиняться, Елена, – перебила ее Персефона, а потом добавила так мягко, как могла: – Ты не сделала ничего плохого.

Блондинка улыбнулась:

– Надеюсь, все будет хорошо, Персефона. Я правда очень надеюсь.

Когда Елена вернулась к своей стойке, Персефона начала свое исследование об Аполлоне и его многочисленных любовниках. Она понимала, что пообещала Аиду не писать о боге музыки, но это не значило, что она не может начать собирать о нем сведения, а в информации не было недостатка – особенно с античных времен.

Почти все истории об Аполлоне и его отношениях заканчивались трагично для его партнера. Из всех его любовниц лучше всего чудовищный характер бога иллюстрировали истории Дафны и Кассандры.

Дафна была нимфой и поклялась остаться невинной до конца своей жизни. Несмотря на это, Аполлон неустанно преследовал ее, заявляя о своей любви к ней, словно это могло заставить девушку передумать. Когда не осталось других вариантов, Дафна попросила своего отца, речного бога Пеней, избавить ее от неотступного преследования Аполлона. Отец откликнулся на ее просьбу и превратил дочь в лавровое дерево.

Лавр был одним из символов Аполлона, и теперь Персефона понимала почему.

Мерзость.

Кассандру, троянскую царевну, Аполлон наделил даром предвидения, надеясь таким образом влюбить в себя девушку. Но ей он был неинтересен. Разгневанный Аполлон проклял ее – царевна сохранила дар видеть будущее, но ее предсказаниям никто не верил. Позднее Кассандра предвидела падение своего народа, но ее никто не послушал.

Были и другие античные любовницы: Коронида, Окироя, Синопа, Амфисса, Сибилла, – а еще новые, современные: Акация, Чара, Ио, Ламиа, Тесса и Зита. Расследование было непростым. Как поняла Персефона, многие из этих женщин пытались высказаться против Аполлона в социальных сетях и блогах и даже рассказывали свои истории журналистам. Проблема была в том, что их никто не слушал.

Персефона была так поглощена своим расследованием, что подпрыгнула от неожиданного стука по столу. Перед ней стоял Деметрий.

– Как идет подготовка статьи? – поинтересовался он.

Она бросила на него сердитый взгляд и ответила довольно резким тоном:

– Отлично.

Начальник нахмурился:

– Знаешь, если бы у меня был выбор...

– У вас есть выбор, – перебила она. – Вы можете просто сказать ему «нет».

– На кону не только твоя работа.

– Тогда, может, это знак, что вам следует уйти.

Деметрий покачал головой:

– Из «Новостей Новых Афин» нельзя уйти без последствий, Персефона.

– Я не знала, что вы такой трус.

– Не у всех есть бог, который может их защитить.

Персефона вздрогнула, но быстро взяла себя в руки. Она начинала искренне ненавидеть людей, предполагавших, что она попросит Аида вступить за нее.

– Я сама веду свои битвы, Деметрий. Поверьте мне, это ничем хорошим не закончится. У людей вроде Кэла есть свои тайны, и я выведу его на чистую воду.

В глазах Деметрия сверкнула искра обожания, но слова, которые он произнес следом, поставили под угрозу ее принципы.

– Мне нравится твоя решительность, но есть силы, которые журналистика не способна побороть, и одна из них – деньги.

Глава VI. Ссора влюбленных

В пятницу Персефона с Лексой оказались у дверей элитного небоскреба в районе Крисос Новых Афин, где Сивилла жила с Аполлоном в пентхаусе после окончания колледжа. Девушки арендовали огромный грузовик для переездов, который Лекса кое-как припарковала наполовину на тротуаре, наполовину на дороге.

– Я совсем не это имел в виду, когда говорил, что хочу повеселиться, Персефона, – надул губы стоявший рядом с ними Гермес. Бог весь сверкал золотом, раздетый совсем не по случаю, особенно на фоне Лексы и Персефоны, на которых были штаны для йоги и толстовки.

Персефона договорилась встретиться с ним в пятницу, после того как он помог ей пройти незамеченной в Акрополь, но это было до того, как Аполлон уволил Сивиллу и лишил ее дара.

– Никто не говорил, что ты обязан ехать с нами, – парировала Персефона.

Бог хитрости появился у ее квартиры как раз тогда, когда они собрались поехать за грузовиком. Он попытался поспорить, что у них была договоренность – контракт – и она не может от него отказаться, но Персефона сразу же его осадила.

«Одна из моих лучших подруг стала жертвой абьюза в отношениях. Она съезжает, и я собираюсь ей помочь. Ты можешь поехать с нами или просто уйти. Выбор за тобой».

Гермес решил поехать с ними.

– Нас бы здесь не было, если бы твой брат не оказался мерзавцем, – заметила Лекса. – Все претензии к нему.

– Я не отвечаю за поступки Аполлона, – возразил Гермес. – И не буду притворяться, что с алкоголем тут было бы немного повеселее.

– В этом ты прав, – кивнула Лекса. – Хорошо, что я взяла с собой это.

Она вытащила из рюкзака бутылку вина.

– Дай сюда, – Гермес выхватил бутылку у нее из рук.

У Персефоны округлились глаза.

– Прости, ты разве сегодня не *за рулем*?

– Ну да, но это на потом.

Вот только Гермес каким-то образом уже умудрился открыть бутылку.

– Надеюсь, у тебя есть еще, – ответил бог. – Потому что это на «сейчас».

Лекса фыркнула, и дверь перед ними наконец щелкнула. Из домофона раздался голос Сивиллы:

– Открыто, входите.

Гермес двинулся вперед, но Персефона выставила перед ним руку.

– Ты можешь взять тележку.

– Почему я должен брать тележку? Я несу вино.

Персефона забрала у него бутылку.

– Теперь я несу вино. А ты бери тележку. Вперед.

Гермес опустил плечи, сдавшись, потащился к грузовику и вернулся с тележкой.

Лекса захихикала:

– Ты выглядишь до ужаса смертным, Гермес.

Глаза бога потемнели.

– Осторожнее, смертная. Я вполне могу превратить тебя в козу ради собственного развлечения.

– *Твоего* развлечения? – хохотнула Лекса. – Да это было бы лучшее, что случилось со мной за всю мою жизнь.

Все трое поднялись на лифте и оказались в гостиной Аполлона.

Персефона не знала, что и думать, когда увидела всю ту роскошь, в которой Сивилла жила последние несколько месяцев после окончания колледжа. Невозможно было отрицать, что должность оракула была весьма прибыльной, и богиня чувствовала – это делало ситуацию Сивиллы еще хуже. Делало ее ощутимой материально. После жизни в шикарном пентхаусе с окнами от пола до потолка, деревянными полами, утварью из нержавеющей стали и причудливой кофемашиной Сивилле придется съехать в их с Лексой маленькую квартирку на неопределенный срок.

Несмотря на крутую перемену в жизни, Сивилла, казалось, пребывала в отличном настроении, словно переезд отсюда снимал с ее плеч неподъемную ношу. Она высунула голову из прилегающей комнаты. Ее светлые волосы рассыпались по плечам свободными волнами, а ненакрашенное лицо сияло.

– Ребят, я тут.

Они перешли в ее комнату. Персефона ожидала увидеть здесь больше индивидуально-сти, чем во всем остальном пентхаусе, но она ошиблась. Комната Сивиллы была такой же бесцветной.

– Почему здесь все такое серое?

– О, ну, Аполлон не любит яркие цвета, – ответила она.

– Как можно не любить яркие цвета? – спросила Лекса, плюхаясь на кровать Сивиллы.

– Для этого надо быть Аполлоном, очевидно. – Гермес упал на кровать рядом с Лексой. – Тебе надо разнести это место, прежде чем уйдем. Это его реально взбесит.

Сивилла побледнела, широко распахнув глаза.

Персефона уперла руки в бока:

– Ты единственный, кому это показалось бы смешным, и единственный, кто сможет пережить его гнев.

– Ты тоже, Сефи. Аид отрежет Аполлону яйца, если он приблизится к тебе хоть на дюйм. Меня так и подмывает сделать это, только чтобы посмотреть на такую заваруху.

– *Гермес*, – выразительно произнесла Персефона. – Ты вообще не помогаешь.

Бог надул губы:

– Я же притащил тележку, разве нет?

– А теперь пора ее использовать. Вставай! Спусти эти коробки вниз.

Гермес поворчал, но скатился с кровати, и Лекса за ним.

Они уложили коробки на тележку, и пока Гермес спускал их, Персефона с Лексой помогли Сивилле упаковать остатки вещей. Персефоне понравилось это задание. Каждая коробка была новым вызовом, и ей нравилось смотреть, сколько всего она сможет уместить в одну коробку. Закончив, она писала краткий перечень на одной из сторон, чтобы их было проще распаковывать.

Поняв, что она делает, Гермес фыркнул и покачал головой.

– Что? – спросила Персефона.

– Ты такая же правильная, как Аполлон.

Персефоне сравнение с этим богом пришлось не по нраву.

– Что ты имеешь в виду?

– А ты не обратила внимания на все это место? – Он огляделся вокруг. – Тут все расставлено по виду и цвету.

– Я организованная, Гермес, а не неврастеничная.

– Аполлон дисциплинированный. Сколько я его знаю, он всегда был таким.

– Если он такой дисциплинированный, то почему такой... эмоциональный?

– Потому что Аполлон гордится установленным им порядком – тем, что он создает и претворяет в жизнь. А потому, когда он утрачивает контроль, это очень личное. – Гермес бросил взгляд на Сивиллу. – То же касается и его отношений с людьми.

Когда они закончили, Сивилла оставила свой ключ на сверкающей гранитной столешнице в ультрасовременной кухне Аполлона. Все четверо залезли в грузовик и поехали к дому Лексы и Персефоны.

– Ты выезжаешь за свою полосу, – сказала Персефона, держась за ручку двери, пока Лекса вела грузовик.

– Я ничего не вижу, – пожаловалась Лекса, приподнимаясь в водительском кресле.

– Может, тогда тебе не стоило садиться за руль? – прокомментировал Гермес.

– Кто-нибудь еще хочет сесть за руль? – поинтересовалась она.

Все в кабине промолчали, потому что никто из них не умел водить.

– Просто держись подальше от пешеходов, – посоветовала Персефона.

– Дам тебе десять очков, если ты кого-нибудь собьешь, – предложил Гермес.

– Это должно меня соблазнить? – уточнила Лекса.

– О да, это же *божественные очки*.

– И что мне дадут *божественные очки*? – спросила Лекса, словно рассматривала его предложение всерьез.

– Шанс стать козой, – ответил он.

Персефона обменялась взглядами с Сивиллой и сказала:

– Если тебе интересно, не жалею ли я о том, что познакомила их, то ответ «да, жалею».

Выгрузка вещей Сивиллы заняла меньше получаса. А вот найти для всех них место оказалось не так-то просто. Они расставили коробки в коридоре, в гостиной и в комнате Персефоны, так как она все равно проводила большую часть времени в подземном царстве.

Когда они закончили, Гермес с улыбкой открыл бутылку шампанского.

– Время отметить!

– Упс! – Лекса подбросила ключи от грузовика. – Прежде чем мы начнем, мне надо вернуть грузовик.

– Давай съезжу с тобой, – предложила Персефона.

– Да ты просто хочешь, чтобы я подвезла тебя до «Неночи».

У Персефоны проступил румянец на щеках.

– Ты нас покидаешь? – спросил Гермес. – А как же «Сестра дороге мужика»?

Персефона закатила глаза:

– Гермес, если ты вдруг не заметил, то ты мужик.

– Я могу быть сестрой! – возразил он с большим негодованием, чем она ожидала. – Если ты не вернешься, можно мне поспать на твоей кровати? – крикнул он, когда они с Лексой выходили из квартиры.

За ним тут же раздался голос Сивиллы:

– Нет, нельзя! Она моя!

– Ну, тогда ляжем вдвоем.

– Прости, Гермес, но у меня и так перебор с богами, которые хотят со мной спать.

По дороге к «Неночи» Лекса уже вела немного лучше, пока не стала парковаться – она так надавила на тормоз, что ремень безопасности врезался в тело Персефоны. Возле входа богиня увидела Меконнена – огра, работавшего на Аида в качестве вышибалы в «Неночи». Он спорил с женщиной, что в общем-то было привычным делом. Люди часто спорили с Меконненом и другими охранниками, надеясь попасть в клуб.

– Там, похоже, все плохо, – прокомментировала Лекса, кивнув в сторону ругающихся.

– Да уж.

Девушка ткнула огра пальцем в грудь. Меконнен этого терпеть не мог, так что у скандалистки были все шансы навсегда попасть в черный список клуба.

Персефона вздохнула и потянулась через консоль грузовика, чтобы обнять Лексу.

– Увидимся завтра. Спасибо, что подвезла.

Она вылезла из грузовика. Как только ее ноги коснулись тротуара, хор голосов завопил ее имя, и несколько людей выскочили из очереди, поднырнув под веревки из красного бархата, чтобы подбежать к ней. Из темного входа «Неночи» тут же возникли два огра, закрыв собой Персефону и создав барьер между ней и толпой. Она улыбнулась им:

– Привет, Адриан, Эцио.

Их лица остались серьезными, когда они поприветствовали ее в ответ:

– Добрый вечер, миледи.

Персефона вдруг осознала, что ей стоило подумать об этом заранее или, по крайней мере, предупредить подчиненных Аида, что она скоро приедет. Она уже видела завтрашние заголовки: «Любовница Аида приехала в «Неночь» в трениках и на арендованном грузовике».

Дойдя до входа в клуб, она услышала голос женщины:

– Я требую, чтобы он встретился со мной сию же секунду!

Персефона вспомнила, как говорила что-то похожее другому огру, когда впервые явилась в «Неночь». Это закончилось плохо – особенно для огра. Он поднял на Персефону руку – на такое оскорбление Аид не смог закрыть глаза, и она никогда больше его не видела.

– Миледи, – произнес Меконнен, сделав шаг вперед, чтобы оградить ее от скандалистки, но та обошла его.

– *Миледи?* – она уперла руки в бедра.

Только тогда Персефона заметила, что женщина была нимфой. У нее были бледная молочная кожа, длинные белые волосы и ярко-голубые глаза, из-за чего она казалась неземной. Даже ресницы у нее были белыми.

«Наяда», – подумала Персефона. Это была нимфа воды. Она была красива, но сейчас выглядела агрессивной и измотанной.

– Кто вы такая? – спросила нимфа.

Персефону это удивило – по большей части потому, что теперь мало кто не знал, кто она.

– Да как вы смеете так говорить с леди Персефной? – Меконнен сжал ладони в кулаки.

– Все в порядке, Меконнен, – Персефона подняла руку, чтобы успокоить огра, который, казалось, уже готов был стереть эту женщину в порошок.

– Я Персефона, – ответила она. – Я правильно понял, что вы хотели бы поговорить с лордом Аидом?

– Я требую этого!

Персефона слегка приподняла бровь:

– Какие у вас жалобы?

– Жалобы? Вы хотите выслушать мои жалобы? С чего бы мне начать? Во-первых, квартира, в которую он меня поселил, настоящая дыра.

Это привело ее в замешательство.

– Во-вторых, я больше ни минуты не буду работать в этом гадюшнике, этом чертовом ночном клубе.

Персефона подняла руку, чтобы заставить нимфу умолкнуть.

– Простите. А вы кто, еще раз?

Женщина подняла подбородок и выставила грудь вперед с неуместной гордостью.

– Я Левка, любовница Аида.

Персефона почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица. Слова женщины ее глубоко потрясли.

– Простите?

Нимфа издала смешок. Персефона сжала пальцы в кулаки.

– Простите, бывшая любовница, но это одно и то же.

– Бывшая... любовница? – выдавила богиня сквозь сжатые зубы, наклонив голову набок.

– Да вам не о чем беспокоиться, – ответила Левка. – Это было так давно.

- Так давно, что вы забыли и представились любовницей Аида? – уточнила Персефона.
- Невинная ошибка.
- Простите, но я не вижу в этом ничего невинного.

Персефона повернулась к Меконнену:

- Пожалуйста, проводи Левку в офис к Аиду. Я отправлю его туда.
- Да, миледи, – кивнул Меконнен и добавил: – Он в зале отдыха.
- Спасибо, – тепло ответила она, хотя все ее тело будто заледенело.

Персефона вошла в «Неночь». Она сразу поднялась по лестнице в зал отдыха, где Аид заключал пари со смертными, желающими получить от жизни больше: любви, денег, здоровья. Именно эти сделки когда-то больше всего ужаснули и заинтриговали ее. Из-за них она начала писать о боге мертвых, а потом и познакомилась с ним.

Эвриала, горгона, что охраняла вход в зал отдыха, ждала снаружи. Первый разговор Персефоны с ней был довольно враждебным, потому что горгона сразу по запаху определила, что та богиня.

– У лорда Аида проблемы? – спросила Эвриала. Ее голос был веселым, но в нем прозвучала и нота волнения, когда к ней подошла богиня.

– Больше, чем ты можешь себе представить, – ответила Персефона.

Эвриала улыбнулась, обнажив почерневшие зубы. Она без промедления открыла дверь и кивнула Персефоне, когда та прошла мимо нее.

– Он в сапфировой кабинке, миледи.

Персефоне пришлось протискиваться через толпы, окружавшие игральные столики. В зале было темно, несмотря на огромную люстру под потолком и несколько громоздких подсвечников на стенах. Первый визит Персефоны в этот зал предрешил ее судьбу. Ее очаровали люди и игры, она с наслаждением наблюдала, как карты летают над столиками, с какой легкостью мужчины и женщины болтали и поддразнивали друг друга. А потом она дошла до стола для покера, села за него и познакомилась с властелином подземного царства.

Даже сейчас от одного лишь воспоминания, каким он предстал перед ней, у Персефоны все сжалось внутри. Он был осязаемой тенью с телосложением, подобным крепости, и ворвался в ее жизнь подобно стихии. Она никак не могла отделаться от него, да и, по правде говоря, не особо-то и хотела. С того момента, как ее взгляд упал на него, он что-то зажег внутри ее. Это было подобно огню, но на самом деле его тьма зывала к ее тьме.

Теперь богиня это знала – чувствовала у себя в крови и костях, – и она слилась с темнотой зала и нашла проход, ведущий к ряду кабинок, где смертные ждали возможности заключить сделку с Аидом. Все они именовались по драгоценным камням – сапфировая, изумрудная, бриллиантовая, – каждая была отделана в соответствующих оттенках. Это были роскошные комнаты, внушающие чувство грандиозности, словно сообщая всем, кто в них входил, что если они правильно сыграют свои карты – в буквальном смысле, – возможно, им тоже удастся обрести что-то столь же великолепное.

Персефона нашла сапфировую кабинку и, войдя, увидела напротив Аида мужчину. Смертному было слегка за двадцать. Персефоне всегда было интересно, как такие молодые люди оказывались перед богом мертвых, но болезни не различали возраста. За чем бы он сюда ни пришел, парень занял оборонительную позицию, потому что повернулся на своем стуле посмотреть, кто прервал его игру, и сказал:

– Если вам нужен он, то придется дождаться своей очереди. Я ждал этой встречи три года.

Аид встретился с ней глазами. Несмотря на элегантный внешний вид, его взгляд был взглядом хищника. Он сидел с прямой спиной, сжимая в руке бокал с виски. Неподготовленному человеку он мог показаться расслабленным, но Персефона видела по выражению его лица, что он на взводе. Возможно, из-за нее. Ей не нужно было ничего говорить, чтобы он

понял – она в ярости. Ее чары рушились. Она чувствовала, как они растворяются, оставляя дыры в ее смертном облике.

– Прочь отсюда, смертный, – произнесла она. Ее приказ, должно быть, потряс мужчину, потому что тот, не теряя времени, пулей выскочил из кабинки. Персефона захлопнула дверь.

– Мне придется стереть ему память. У тебя пылают глаза, – усмехнулся Аид. – Кто тебя так разозлил?

– Попробуй догадаться, – предложила она.

Он приподнял бровь.

– Я только что имела удовольствие познакомиться с твоей любовницей.

Аид никак не отреагировал, и это разозлило еще сильнее. Она почувствовала, как чары покидают ее. Персефона представила, как странно она сейчас выглядит – богиня, стоящая перед древним богом и не способная удержать под контролем собственную магию.

– Понятно.

У Персефоны задрожал голос:

– У тебя есть несколько секунд, чтобы объясниться, прежде чем я превращу ее в траву. Она знала, что Аид рассмеялся бы, если бы решил, что она говорит это не всерьез.

– Ее зовут Левка, – ответил он. – И она и правда *была* моей любовницей много-много лет назад.

Ей было ненавистно собственное чувство облегчения, что он не назвал кого-то еще.

– Сколько именно лет назад?

Он пронзил ее взглядом, и за ним что-то было – что-то живое, полное гнева, разрушения и вражды.

– Тысячи, Персефона.

– Тогда почему *сегодня* она представилась мне как твоя любовница?

– Потому что, по ее мнению, мы с ней были любовниками вплоть до прошлого воскресенья.

Персефона сжала кулаки, и вдруг из-под пола пробились стебли и покрыли собой все стены. Аид даже не моргнул.

– И почему же?

– Потому что больше двух тысяч лет она была тополем.

У Персефоны взлетели брови. Такого она никак не ждала.

– А почему она стала тополем?

Аид сжал ладони, до этого лежавшие на столе, в кулаки:

– Она меня предала.

– *Ты* превратил ее в дерево? – выдохнула Персефона, ошарашенная этим признанием.

Она иногда забывала о масштабе сил Аида. Он был одним из трех самых могущественных богов, и хотя каждый из братьев стал властелином собственного царства (Зевс – неба, Посейдон – моря, Аид – царства мертвых), они в равной мере делили власть над земным царством, а это значит, что у нее и Аида могли быть схожие силы.

И в их числе явно было превращение людей в растения.

– За что?

– Я застукал ее с другим любовником. Меня ослепила ярость. И я превратил ее в тополь.

– Она, должно быть, этого не помнит, иначе не стала бы представляться твоей любовницей.

Аид пристально взглянул на нее. Он не сдвинулся ни на дюйм со своего места за столиком.

– Возможно, она подавила это воспоминание.

Персефона зашагала по кабинке вперед-назад.

– Сколько любовниц у тебя было?

– Персефона, – в голосе Аида сквозила нежность, но в нем был и подтон, говоривший: «Вряд ли ты захочешь знать правду».

– Я просто хочу быть готова на случай, если они начнут выползать из всех щелей.

Аид молчал, глядя на нее. Спустя мгновение он произнес:

– Я не буду извиняться за то, что жил до твоего появления на свет.

– Я тебя об этом и не прошу, мне просто хотелось бы знать заранее, когда я встречу женщину, которая *спала* с тобой.

– Я надеялся, что ты никогда не встретишься с Левкой, – ответил Аид. – Она не должна была задержаться здесь надолго. Я согласился помочь ей встать на ноги в современном мире. Раньше я передавал такие дела Минфе, но так как она впала в немилость... – он окинул взглядом плещ на стенах, – мне понадобилось больше времени, чтобы найти ей подходящего наставника.

Персефона остановилась и повернулась к Аиду:

– Ты даже не собирался рассказать мне о ней?

Аид пожал плечами:

– Я не видел в этом необходимости.

– Не видел *необходимости*? – повторила Персефона, и плещ на стенах стал еще гуще и зацвел. Комната вдруг стала совсем маленькой. – Ты обеспечил эту женщину жильем, дал ей работу, и раньше ты с ней *спал*...

– Прекрати это повторять, – выдавил Аид сквозь стиснутые зубы.

– Я заслуживаю знать о ней, Аид!

– Ты сомневаешься в моей преданности?

– Тебе следовало бы извиниться, – огрызнулась она.

– Тебе следовало бы доверять мне.

– А тебе следовало бы говорить со мной. – Это то, о чем он просил ее. Разве он не должен придерживаться тех же правил?

Наступила тишина, и Персефона сделала вдох, чувствуя необходимость набраться храбрости и задать этот вопрос:

– Ты все еще любишь ее?

– Нет, Персефона, – Аид ответил сразу же, но в его голосе прозвучало раздражение, что она вообще спросила.

Персефона не знала, что делать дальше. Она злилась и не понимала, почему Аид решил спрятать от нее свою бывшую любовницу. Дело было не в том, что она подозревала его в неверности, а в том, что это был лишь один из фактов о жизни Аида, заставших ее врасплох.

Она начинала чувствовать себя так, словно на самом деле ничего о нем не знает.

После еще одной минуты напряженного молчания Аид вздохнул, и на лице у него вдруг проявилась усталость. Он встал из-за стола, подошел к ней и положил ладонь ей на затылок, вплетя свои пальцы ей в волосы.

– Я надеялся скрыть все это от тебя, – произнес он. – Не для того, чтобы защитить Левку, а чтобы защитить тебя от моего прошлого.

– Мне не нужна защита от тебя, – прошептала Персефона, и в воздухе между ними возникло напряжение совсем иного рода. – Я хочу знать тебя – всего тебя, внутри и снаружи.

Ответив ей легкой улыбкой, Аид обхватил ладонями ее лицо и провел по губам подушечкой большого пальца.

– Давай начнем с «внутри», – сказал он, и их губы слились, а его язык переплелся с ее языком. На вкус он был как дым и лед. Его руки скользнули вниз по ее спине к ягодицам, и он притянул ее к себе, зажав между своими ногами, а сам присел на стол. Каждое движение его языка гипнотизировало ее. А давление его эрегированного члена ей на живот вскружило голову желанием. Она держалась за него, вцепившись пальцами в его крепкие мускулы. Персефона бы

солгала, сказав, что ей это не нужно. Он оставил ее мучительно неудовлетворенной несколько ночей назад, но она была вся на нервах из-за стресса на работе. Ей нужно было сбросить это с себя, но ей также было нужно, чтобы Аид понял, так что она уперла руки ему в грудь и отстранилась.

– Аид, я серьезно. Я хочу знать твою самую большую слабость, самый глубокий страх, самое ценное твое сокровище.

Выражение его лица стало серьезным, и он взглянул на нее с такой страстью, от которой у нее внутри все содрогнулось.

– Ты, – ответил он, и его пальцы коснулись ее распухших от поцелуя губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.